

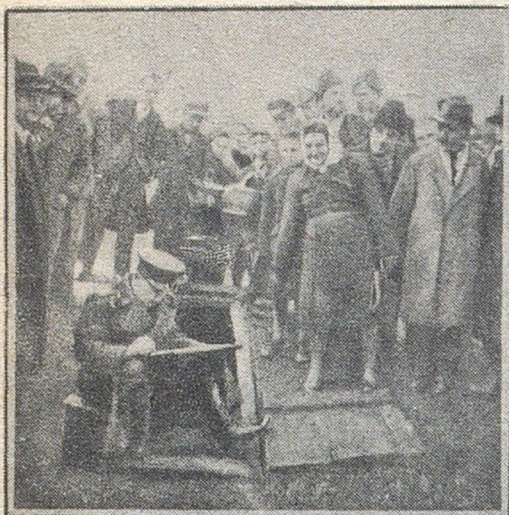
КОНЕЦ НЕМЕЦКОЙ КАТОРГЕ!

OST

Огонёк

ИЗ ПОХОДНОГО АЛЬБОМА

Рисунки художника В. КЛИМАШИНА

На площади Братиану художник В. Климашин делает зарисовки. Мгновенно вокруг него собирается огромная толпа. Румыны удивляются. Лживая пропаганда Антонеску много лет твердила через печать и радио, что в Советской России нет искусства, нет художников... Толпа дивится; приговаривает в восторге: «Фрумоз, сплендит!», что по-румынски означает: «Красиво, замечательно!» А вездесущий фоторепортёр делает снимок для очередной столичной сенсации.

Красная Армия умеет не только хорошо воевать!

Весь путь войны — от Сталинграда до Карпат, от Карелии до Крыма — прошли художники-грековцы с действующими частями Красной Армии, разделяя труд походной жизни. Они шли по свежим следам войны с горечью и негодованием, зарисовывая во фронтовых альбомах разрушенные памятники нашей истории, нашей культуры, раны городов и деревень, истерзанные тела мирных людей, замученных немцами, эпизоды великой битвы с фашистскими захватчиками.

Вместе с победоносными частями Красной Армии они дошли до священных границ нашей родины и вступили на землю врага.

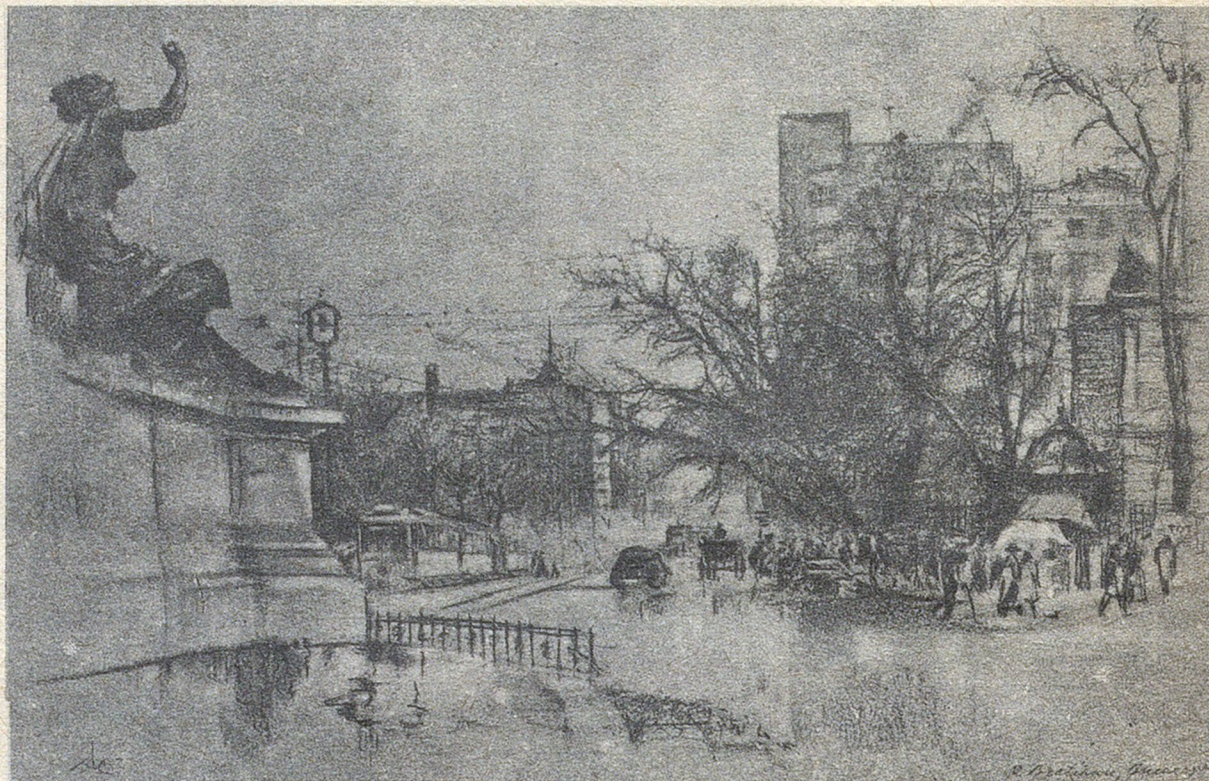
Много этюдов и эскизов, выполненных с большим мастерством, сделали студии-грековцы по ту сторону границы: в Румынии, Польше, Венгрии, Пруссии.

В Румынии глазам художников открылась чужая жизнь, незнакомая природа. Их альбомы обогатились острыми зарисовками типов, уличных сцен и военно-жанровых картинок.

...На коротком привале наш офицер угощает румына в островерхой шапке, узорчатом жилете и драных штанах русской папиросой. Старик дивится, не веря глазам. Недавние хозяева Румынии — немцы — награждали плугаря только зуботычинами и новыми поборами.

...Бухарест. Площадь Братиану. На улицах оживление: движение машин, экипажей и пёстрой огромной толпы горожан. Полицейские в аксельбантах и картузах, размахивая палкой с красным кружком на конце, регулируют движение, учтиво козыряя проходящим военным машинам Красной Армии.

Газетчики в лохмотьях с полными сумками утренних газет: «Тилпул», «Универсул» и др. — спуют в толпе и звонкими голосами, перекрывая шум бухарестской улицы, выкрикивают последние новости...

На обложке: «Конец немецкой каторге!..» Красная Армия уже освободила десятки тысяч советских людей, томившихся на фашистской каторге. Они возвращаются домой. Навсегда для них уничтожены немецкие цепи, не будут они больше значиться в гитлеровских списках подневольных рабов, не будут носить отличительный знак «ОСТ». Вызволненная из фашистского рабства советская учительница Александра Ульященко встретилась со своим братом сержантом Иваном Ульященковым в немецком городе Эльбинге. Фото С. Коршунова. Монтаж А. Житомирского.

Огонёк

№ 11 [930]

Вторник, 20 марта 1945 года

ТРИСТА САЛЮТОВ

12 марта Москва салютовала войскам 1-го Белорусского фронта, овладевшим крепостью и городом Кистжинь (Кюстрин). Это был трёхсотый салют в честь побед, одержанных нашими войсками за время с 5 августа 1943 года.

В Восточной Пруссии продолжались успешные наступательные операции наших войск. Немецкая группировка, блокированная вдоль побережья залива Фриш Гафф, расчленена. Одна её часть окружена непосредственно у Кёнигсберга, другая — к югозападу от него. Советские войска уничтожают последние опорные пункты и гарнизоны врага в Восточной Пруссии.

Сражение в Северной Померании закончилось уничтожающим поражением немецких войск. Войска 2-го Белорусского фронта, преследуя разбитые немецкие дивизии, заняли 9 марта города Штольп, Шлаве, Рюгенвальде, Штольпмюнде и свыше 200 других населённых пунктов. 10 марта войска фронта овладели городами Лауэнбург и Картузы и 300 населёнными пунктами, а юго-восточнее Данцига — городом Тигенхоф. 11 марта, продолжая наступление на Данцигском направлении с запада, юга и востока, наши части заняли город Леба и более 200 других населённых пунктов. 12 марта немцы были выбиты из городов Тчев, Вейхарово и отброшены к Данцигу. Одновременно наши войска вышли на побережье Данцигской бухты, заняв город Пуцк и 100 других населённых пунктов. Вся Восточная Померания и северная часть Поморского воеводства Польши очищены от немецких войск. Бои развернулись на окраинах Гдыни и Данцига.

В Западной Померании войска 1-го Белорусского фронта продолжали бои по очищению от противника восточного берега реки Одер. Начались бои на подступах к Штеттину. Войска фронта 12 марта одержали блестящую победу, штурмом овладев крепостью и городом Кистжинь (Кюстрин), прикрывающим подступы к Берлину. Падение Кистжиня — жестокий удар по планам гитлеровского командования, намеревавшегося затянуть борьбу на Берлинском направлении. 18 марта наши войска заняли город Кольберг, на побережье Балтийского моря, и город Альтдамм.

В Чехословакии немцы выбиты из города Зволени и из ряда других населённых пунктов на реке Грон.

Упорные бои продолжались в Венгрии, северовосточнее и восточнее озера Балатон. Немецкие войска при поддержке большого количества танков пытались прорваться к Дунаю. Наши войска отразили атаки противника и нанесли ему крупные потери.

Сражение на Рейне развернулось вдоль западного берега реки от Везеля и до Кобленца. Войска 1-й американской армии, переправившись через Рейн к югу от Кёльна, создали прочный плацдарм на восточном берегу реки. Войска союзников вступили в города Бонн, Годесберг и Кобленц. 9 марта стало известно, что вступила в действие новая американская 15-я армия — пятая по счёту американская армия, действующая на Западном фронте, и шестая в Европе. На восточном берегу Рейна союзные войска заняли города Линц и Эрпель и продолжали продвигаться на восток. Союзная авиация подвергает ожесточённой бомбардировке крупные немецкие военно-промышленные центры и железнодорожные узлы: Берлин, Эссен, Бремен, Гамбург, Киль, Кассель, Мюнхен, Оснабрюк, Мюнстер, Франкфурт на Майне.

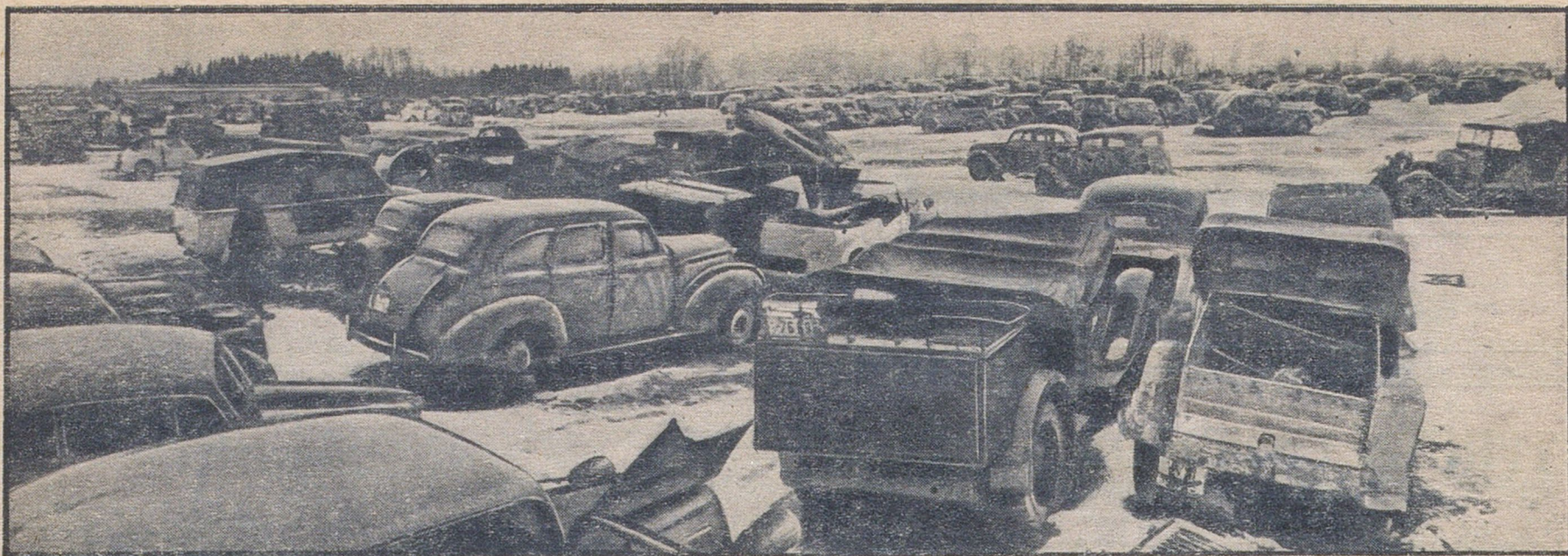
(См. в номере «Дневник войны»)

БОИ В БРЕСЛАУ

Наши войска продолжают вести бои по ликвидации окружённой в городе немецкой группировки. Кольцо сжимается всё туже, но немцы не прекращают яростного сопротивления. Ожесточённые схватки идут за каждую улицу, за каждый дом. Гитлеровцы густо заминировали все улицы и дворы, приспособили дома к круговой обороне и яростно цепляются за каждое здание. Советские бойцы показывают подлинное мастерство в ведении уличных боёв. Очищая в напряжённых схватках улицу за улицей, наши штурмовые группы продолжают стягивать кольцо вокруг гарнизона противника. Преодолевая завалы, баррикады и минные заграждения, советские штурмовые группы выбивают гитлеровцев из домов, подготовленных к длительной обороне. 18 марта после ожесточённого боя советские штурмовые группы ворвались на территорию крупного автомобильного завода «Фамо Юнкерс». Сильные бои идут в районе площади Гинденбурга. Отлично сражаются с врагом бойцы всех родов оружия — пулемётчики, гранатомётчики, славные пехотинцы. Вместе с пехотой умело действуют в условиях уличных боёв и наша артиллерия. Метким огнём артиллеристы подавляют огневые точки врага, прямой наводкой разрушают его укрепления. На нашем снимке: орудие сержанта С. И. Голубя ведёт огонь прямой наводкой на одной из улиц Бреслау.

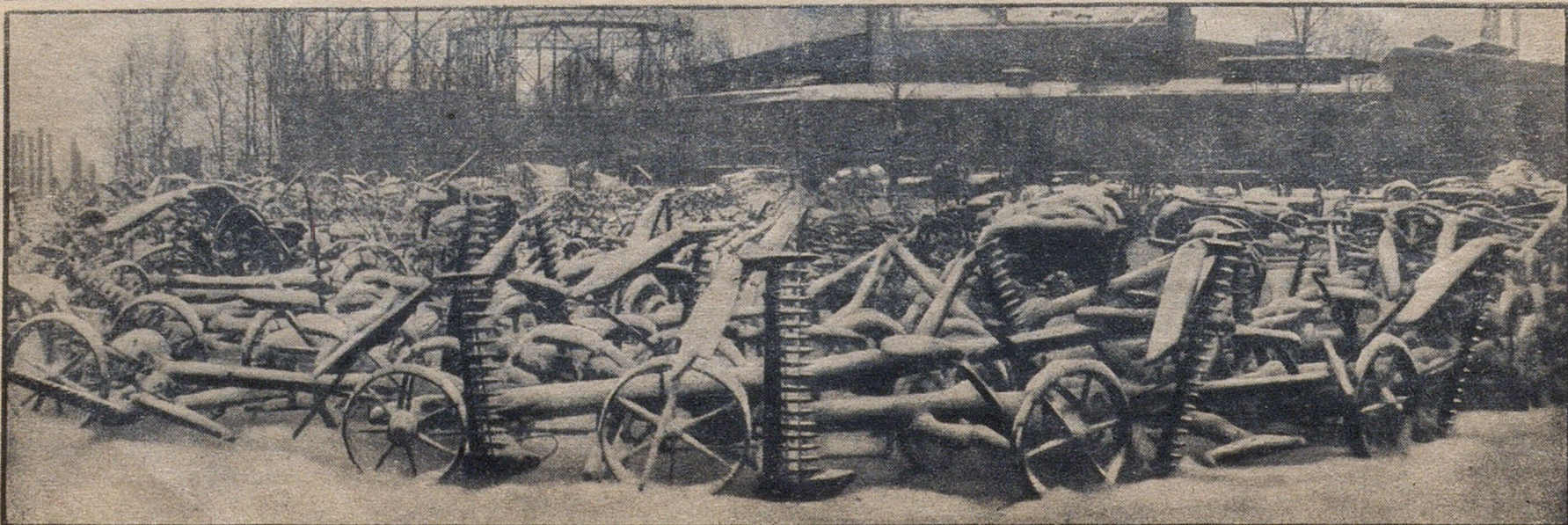
Фото Р. Мазелева и Б. Лосина (ТАСС)

СЛЕДЫ РАЗГРОМА

Фото Л. Великжанина, Ф. Кислова, Г. Омельчука (ТАСС) и Р. Кармена

Красная Армия продолжает двигаться вперёд по немецкой земле, громя и уничтожая немецко-фашистские войска и их технику. Дороги наступления наших частей завалены трупами гитлеровцев, разбитыми и сожжёнными танками, орудиями, машинами. Во многих немецких городах наши войска захватили большие трофеи — целые заводы, аэродромы, эшелоны с орудиями и боеприпасами. Бесконечные колонны пленных немцев бредут по дорогам с запада на восток. На снимках: сверху — немецкие автомашины, захваченные нашими войсками в Восточной Пруссии; внизу сельскохозяйственный инвентарь, подготовленный гитлеровцами к эвакуации и захваченный нашими частями под Кёнигсбергом. На снимке справа: наши бойцы задержали на улицах города Шнайдемюль немецкого офицера, пытавшегося скрыться в штатской одежде. Ниже: немецкие солдаты и офицеры, взятые в плен в районе города Бреслау.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

20 марта 1945 года

РАЗГРОМ НЕМЦЕВ В ПОМЕРАНИИ

Битва за Восточную Померанию закончена! Последний её эпизод разыгрался 18 марта, когда наши войска уничтожили блокированный в Кольберге немецкий гарнизон и заняли город. В кратчайший срок и с замечательным мастерством армии маршалов Жукова и Рокоссовского расклекли, окружили и уничтожили немецкие дивизии, ещё недавно занимавшие обширный фронт в Северной Померании — от Одера до берегов Данцигской бухты. Здесь находился крайне важный фланговый плацдарм, которому германское командование придавало очень большое значение. Помимо всего прочего по этой территории пролегал сравнительно надёжные пути, связывавшие немецкие войска на берегах Данцигской бухты с остальной Германией. Но теперь всё круто изменилось и притом к худшему для немецкой армии.

С точки зрения широкой стратегической перспективы, победа советских войск в Северной Померании имеет поистине неопределимое значение. Прежде всего исчез, по сути дела, целый фронт, который приковывал к себе значительные советские силы: длина боевой линии от Одера до Данцига превышала 150 километров. Здесь было, несомненно, много отборных немецких дивизий. Теперь их нет: часть из них просто уничтожена вместе со своими офицерами и генералами, часть рассеялась и уничтожается.

В столь же безнадёжном положении оказались те немецкие дивизии, которые были отрезаны в Восточной Померании. Под неослабевающим напором советских войск они стремительно бежали на восток. Куда? К берегам Данцигской бухты! У немцев в голове действительно должно было всё перемешаться. Это был, пожалуй, первый случай, когда немецкие войска искали убежища на восток. Характерно, что германские морские силы не смогли оказать им никакой поддержки. Всё совершилось с такой молниеносной быстротой в результате глубоких рейдов советских подвижных колонн, что уже не могло быть и речи о какой-либо эвакуации. Немцы оказались выбитыми из Померании, бежали на территорию Поморского воеводства Польши и, наконец, были отброшены в район Данцига.

Не узнать теперь карты Восточной Германии! Почти вся Померания, значительная часть Бранденбурга и большая часть Силезии находятся в руках советских войск. Фронта в собственном смысле слова к востоку от Одера у немцев уже нет. Красная Армия почти полностью ликвидировала все позиции и силы врага к востоку от Одера. Остались только два «котла» — данцигский и восточно-пруссский. В момент, когда писались эти строки, бои шли за Гдыню и Данциг. Территория, ещё остающаяся в руках противника на побережье Данцигской бухты, представляет собой узкую полосу, подверженную опасности прорывов в любом месте. Наступление на Данциг сейчас идёт с востока, с юга и с запада. Этот последний немецкий опорный пункт, имеющий большое значение, находится в положении тесной осады. Фашистский наместник в Данциге счёл необходимым предупредить немцев, что им придётся жить в убежищах, отказаться от электрического света и не рассчитывать на «нормальное» снабжение продовольствием. Единственно, чем он мог утешить своих «соплеменников», это обещание: «Конина не будет нормирована!» После украинского сала и французских деликатесов, которыми немецкие грабители объедались ещё совсем недавно, теперь конина, фактически дохлая, падала, кажется им божественным блюдом! Ничего, они ещё будут есть ворон и крыс!

С выходом советских войск на западное побережье Данцигской бухты фактически можно считать ликвидированным фронт протяжённый вдоль побережья Балтийского моря. Немецкие дивизии, запертые в северозападном углу Восточной Пру-

ссии и в районе Данцига (причём они изолированы друг от друга), обречены на уничтожение, какое бы упорство они ни проявляли.

В самые последние дни противника постигло здесь ещё одно жестокое поражение. Как известно, немецкое командование старалось во что бы то ни стало удержать в своих руках последний клочок восточно-пруссской территории — от северного побережья Земландского полуострова и далее на югозапад вдоль побережья залива Фриш Гафф до Фрауенбурга. Но советские войска последовательными ударами расклекли эту окружённую группировку немцев, выйдя к побережью залива в районе Гинденбург — Коббельбуда. Тем самым югозападнее Кёнигсберга образовался новый «котёл». Важнейшие укрепленные пункты внутри этого котла подвергаются непрерывным атакам с воздуха и беспощадному обстрелу советской артиллерии. Немцы здесь яростно сопротивляются, но конец их близок.

В Померании советское оружие одержало действительно блистательную победу.

НА ОДЕРЕ И НА РЕЙНЕ

Эти два водных рубежа в известном смысле характеризуют современный этап натиска на гитлеровскую Германию с Востока и с Запада.

В тот момент, когда армии маршала Рокоссовского завершали разгром немецких войск в Восточной Померании, армии маршала Жукова, разбив противника в Западной Померании, отбросили его к Одеру и за Одер и сами вышли на реку вдоль нижнего её течения и далее, вдоль восточного побережья Штеттинского залива до берегов Померанской бухты. Фронт советских войск здесь существенно сократился, и ударная их сила ещё более возросла. Это немедленно сказалось в операциях на Штеттинском и Кистжинском (Кюстринском) направлениях. Фактически на восточном берегу Одера у немцев остался лишь небольшой плацдарм в районе Альтдамма, прикрывающий Штеттин. Немцы изо всех сил старались удержать этот плацдарм с целью дать возможность своим войскам отойти за Одер вместе со своей техникой. 20 марта советские войска штурмом овладели Альтдаммом.

Но гитлеровцев постиг сокрушающий удар несколько южнее Штеттина — в Кистжине (Кюстрине). Этот город-крепость расположен на кратчайшем пути в Берлин, на восточном берегу Одера, у слияния Одера и Варты. Значение его как крупнейшего передового укрепления гораздо больше, чем Альтдамма. Хотя Кистжин — старая крепость, всё же она представляла серьёзную преграду, тем более что немцы усилили старые форты и построили новые. Повидимому, на линии Одера Кистжин представлял собой наиболее сильный опорный пункт противника. На этом направлении советским войскам уже неоднократно приходилось уничтожать и современные немецкие крепости, целые укрепленные районы, построенные несколько лет назад по всем правилам военно-инженерного искусства. Этот опыт пригодился при штурме Кистжина. После падения Кистжина линия Одера в значительной мере потрясена и уже не представляет собой, как раньше, единого мощного рубежа, сомкнутой преграды на пути советских войск.

Взятием Кистжина Красная Армия снова продемонстрировала своё умение штурмовать крепости современными методами ускоренной атаки. Это — плохое предзнаменование для берлинской группировки гитлеровцев!

С выходом на Одер вдоль всего нижнего течения реки советские войска завоевали возможность для широкого маневра на флангах основной группировки войск противника, а заняв Кистжин, ещё более улучшили предпосылки для нанесения ему могучего удара и в центре. Советская стратегия вновь проявляет себя во всем своём блеске.

В эти же дни произошли серьёзные перемены также и на Западе. Наступление союзных войск на участке от голландско-немецкой границы до Кобленца увенчалось важными успехами. Семь союзных армий — одна канадская (1-я), одна британская (2-я) и пять американских (1-я, 3-я, 7-я, 9-я и 15-я) вышли на Рейн, а 1-я американская армия форсировала реку южнее Кёльна и создала на восточном берегу прочный плацдарм глубиной в 6 километров и в 16 километров по фронту. Войска 1-й армии захватили здесь у противника мост до того, как его успели взорвать немецкие сапёры. Это

значительно облегчило быструю переправу через Рейн крупных сил танков и пехоты, как и артиллерии 1-й американской армии. Теперь, следовательно, созданы возможности для развития операций по ту сторону Рейна, непосредственно в Рурской промышленной области и в обход её с юга.

Если германское командование надеялось, что сможет использовать свои резервы, находящиеся на южном участке фронта, для парирования ударов союзных войск к северу от реки Мозель, то его ждало жестокое разочарование. Почти одновременно с форсированием Рейна 1-й американской армией перешли в наступление также части 3-й и 7-й американских армий. Река Мозель была форсирована американцами недалеко от Кобленца, а также юговосточнее Трира. Развивая успех, они заняли Кобленц и продолжали наступать вдоль западного берега Рейна. 19 марта они уже заняли Бинген, недалеко от Майнца. Одновременно другие части 3-й американской армии проникли в район к северу от Саарбрюккена, а 7-я американская армия форсировала реку Саар и вступила в Саарский Пфальц. Для немцев, находящихся в треугольнике между реками Рейн, Мозель, Саар, создавалась реальная угроза окружения. Германское командование не может даже и помышлять теперь о том, чтобы перебросить находящиеся здесь войска на север. Обстановка на Западном фронте становится для противника угрожающей.

Отметим, что в последние дни началось сжатие также и на фронте в Италии. Части 5-й американской армии проявляют активность в районе шоссе Пистойя — Болонья, где захватили возвышенность и удержали её. Гитлеровцы начинают чувствовать нажим также и с юга, хотя по силе он значительно слабее мощного натиска Красной Армии с Востока и ударов союзных армий с Запада.

«РОКОВЫЕ ФАКТОРЫ»

Не удивительно, что в такой обстановке даже сами гитлеровцы начинают проговариваться о безнадёжном положении Германии. Известный интерес с этой точки зрения представляет последний обзор гитлеровского военного «эксперта» генерала Дитмара. Этот фашистский оракул, который в течение всей войны неизменно предсказывал немцам успехи и победы, не стеснялся превращать в победы даже и поражения, теперь, припёртый к стене, заявляет, что Германия очутилась лицом к лицу с «роковым фактором» — географией. «Всё сильнее и сильнее, — заявляет он, — мы сейчас чувствуем трудности и опасности нашего рокового географического положения в центре Европы. Дитмар неохотно признаёт, что сила этого «рокового фактора» действует тем непосредственнее, чем полнее взаимодействие антигитлеровских армий на Востоке и на Западе. Немецкий генерал уже не может отрицать, что в борьбе на два фронта Германия не имеет никаких перспектив, ибо даже самое упорное сопротивление в безнадёжном положении не открывает никакого выхода. «Наши враги, начавшие штурм с Востока и Запада, — говорит он, — оказывают друг другу содействие и помощь» и в результате «никто не может утверждать, что и на Западе положение складывается в нашу пользу».

Фашистское руководство, тем не менее, продолжает призывать немцев оказывать сопротивление «во что бы то ни стало», «держаться», независимо от того, приведёт ли это к положительному результату или нет. Так именно и говорится в послании Гитлера к немецким фашистам по случаю так называемого «дня героев». Кстати, эта очередная фашистская балаганная инсценировка была проведена в Германии в стиле большой кампании, чтобы несколько подбодрить немцев. Но из этого ничего не получилось.

Безнадёжное положение фашистской клики очевидно. Теперь она обращает всё своё внимание на юг, куда перебрасываются запасы и переводятся самые видные фашистские главы. Возможно, что упорные немецкие атаки в Венгрии также объясняются стремлением прикрыть последнюю базу гитлеровцев в Южной Германии с востока. Сообщают также о наплыве немцев в Данию, куда перебросено несколько десятков тысяч молодых гитлеровцев. Очевидно, немцы хотят превратить Данию в базу для продолжения войны после потери Восточной, Северозападной и Западной Германии.

Но всё это конвульсии смертельно раненого фашистского чудовища. Великое сражение за полный разгром гитлеризма продолжается с неослабной силой и сопровождается неизменными победами советского оружия, а также армий союзников.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Д. Заславский

Гнездо наше, родина возобладала надо всеми нашими чувствами. И всё, что мы видим вокруг, что раньше, быть может, мы и не замечали, не оценили, как пахнущий ржаным хлебом дымок из занесённой снегом избы, — поразительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьёзными, и глаза всех — такими похожими на глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка, — всё это наше, родное, и мы, живущие в это лихолетье, — хранители и сторожа родины нашей.

(АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ «РОДИНА», стр. 3).

Алексей Николаевич Толстой.

А. Н. Толстой работал словно на людях. «Пётр I» появлялся в печати отдельными главами; и мы следили, как этот исторический роман непрерывно развивался, делался всё более интересным. Всё говорило о том, что писатель полон творческих сил, что мысль его становится ещё более углублённой. Это радостно было читателям, потому что Толстой — любимейший писатель нашего народа. Его знают миллионы и по книгам, и по фильмам, и по пьесам, и по ярким публицистическим выступлениям. Он умер в расцвете сил, жизнь оборвалась на полуслове, и «Пётр I» остался незаконченным. Но и в таком виде роман вошёл в русскую литературу крупнейшим произведением. Он вошёл и в русскую историографию, потому что созданный Толстым образ Петра выходит за пределы чисто художественной литературы.

Алексей Николаевич не находится в прямом родстве с Львом Николаевичем Толстым, но он его литературный потомок. А. Н. Толстой вышел из великой русской школы художественного слова и сам был выдающимся деятелем этой школы. Он обладал зорким взглядом, проникавшим в глубь явлений, и сильным, правдивым словом, до крайности конкретным, так что под пером Толстого все вещи становились словно весомыми, оживали, а люди тоже были всегда живые, из плоти и крови.

Сила его большого таланта сразу привлекала внимание читателей, как только он появился в литературе. Его первые произведения были автобиографичны, в том смысле, что материал для первых его рассказов давала окружающая его среда. Он очень хорошо знал захудалую дворянскую, помещичью

среду, был связан с нею и своим происхождением и впечатлениями детства. Толстой хорошо знал и крестьянский быт, как он представлялся из окон обедневшей помещичьей усадьбы. Воспоминания о своём милом детстве породили «Детство Никиты» — один из чудеснейших в русской литературе рассказов о детях.

Заслуживает внимания то, что в первых же рассказах Алексея Николаевича прозвучало такое резкое, сатирическое разоблачение помещичьего быта, какого в литературе не было, пожалуй, со времени Щедрина. Это замечательно и потому, что А. Н. Толстой вошёл в русскую литературу как раз тогда, когда под влиянием реакции поднялась в ней полоса идеализации прошлого. С первого же своего шага, ещё не оформившись идеологически, ещё не определив своих политических симпатий, Алексей Толстой пошёл по пути, который после «хождения по мукам» привёл его с закономерной необходимостью в лагерь революции.

С дворянской полосой в своей писательской жизни Алексей Николаевич расстался легко. Труднее было ему оторваться от той старой интеллигенции, с которой он был так тесно связан до Великой Октябрьской социалистической революции. Старые связи влекли в одну сторону, правда реалистического искусства — в другую.

«Хождение по мукам» — это не только замечательное произведение, отразившее социалистическую революцию и гражданскую войну: это и литературная исповедь автора. От этого глубокая взволнованность романа. Его герои — хорошие русские люди, ищущие правды в жизненных отноше-

ниях. В политических программах они разбираются с трудом. Но знают, чувствуют, что правда с народом, а народ с большевиками.

«Хлеб» продолжает сюжетную линию «Хождения по мукам». Но «муки» окончились. Начинается хождение по путям победы революции. Русская интеллигенция с её раздвоенностью, с её традиционными мечтаниями отходит здесь на второй план. А. Н. Толстого привлекают основные моменты в социалистической революции. Оборона Царицына (Сталинграда) становится стержнем романа. Образы Ленина и Сталина, нарисованные рукой большого мастера, придают повести её художественную значительность.

Здесь зарождается интерес А. Н. Толстого к русскому историческому роману. Он видит, как создаётся советское государство; его привлекают прежде всего национальные черты в этом грандиозном строительстве... От аналогий, сначала ещё поверхностных, он приходит к глубоким обобщениям. Так вырастает перед ним фигура Петра I, строителя русского государства. По мере того как расширяются рамки романа, мы видим не только знаменательную эпоху в истории русского народа: мы видим и самый русский народ. Выдающийся талант А. Н. Толстого делает события давнего времени и людей того времени живыми, вещественно-конкретными. Писатель словно сам участвует в этих событиях. Все его герои — настоящие люди, с человеческими слабостями, с индивидуальными чертами. С особой любовью он отмечает в них черты русской сметливости, одарённости, а главное — высокого чувства национального достоинства. Пётр I — это прежде всего русский патриот. Натура его многогранна. Основное в ней — сознание великой исторической задачи, которую призван разрешить русский народ в интересах независимости, силы, чести своей родины.

На Петре I не остановилась пытливая мысль писателя. Она идёт дальше, к истокам русского национального характера. Эпопея Петра I ещё не была закончена, а уже под пером Алексея Николаевича вырастает фигура Ивана Грозного. Художественная работа Толстого идёт параллельно с работой русской исторической науки. Своё почётное звание академика он заслужил выдающейся литературно-художественной деятельностью. Его исторические драмы и романы академичны в лучшем смысле слова.

«Иван Грозный» — это, может быть, лучшее произведение Толстого. Сильными словами, изображённая в нём интереснейшая эпоха русской истории, показаны замечательные русские люди. Всё это по-настоящему живёт, переливается красками, волнует

У гроба А. Н. Толстого

Фото М. Калашниковой.

Алексей Толстой

подлинными страстями. Борьба за независимость России, за её величие, за её историческое развитие, непрестанное движение вперёд захватывают нас, участников другой, несравненно более значительной борьбы. Патриотизм русского народа далёкой эпохи близок нам воодушевлённым чувством советского патриотизма.

Это закономерно. Ведь «в советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» (Сталин). В произведениях А. Н. Толстого художественно изображены благороднейшие национальные традиции русского народа — стремление к свободе, к независимости, к защите чести своей родины.

От литературно-художественной работы Алексей Николаевич отрывался для того, чтобы служить родине словом публициста. В его статьях дышала страсть патриота, ненависть к фашизму, горячая вера в победу Красной Армии, преданность советскому государству. Толстой, как член и активный деятель Чрезвычайной комиссии по расследованию немецких зверств, проделал большую работу. Он наблюдал эти зверства по не остывшим ещё следам, вступая в освобождённые от немцев города вслед за частями Красной Армии. Он писал об этом с гневной скорбью, словами сдержанными, но проникнутыми сильнейшей страстью. На харьковском процессе о немцах-палачах он слушал молча, но и в складах его высокого лба и в потемневших глазах можно было прочесть мысли о возмездии...

Алексей Николаевич был выдающимся писателем. Он привлекал широтой своей русской натуры, меткостью слова, любовью к жизни, к творческому труду. В родной литературе ему принадлежит почётное место. Смерть его отмечена во всех странах мира как большая потеря для передовой международной культуры.

И вот смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устроение её, обступили Москву и велят нам: свершайте!

На нас всей тяжестью легла ответственность перед историей нашей родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть навсегда фашистская Германия. Но эти богатства и возможности — бескрайние земли и леса, неисчерпаемые земные недра, широкие реки, моря и океаны, гигантские заводы и фабрики, те тучные нивы, которые заколосятся, те бесчисленные стада, которые лягут под красным солнцем на склонах гор, то изобильные жизни, которого мы добьёмся, вся наша воля к счастью, которое будет, — всё это — неотъемлемое наше навек, всё это наследство нашего народа, сильного, свободолюбивого, правдолюбивого, умного и не обременённого талантом.

Так неужели можно даже помыслить, что мы не победим! Мы сильнее обоживших немцев! Чорт с ними! Их миллионы, нас миллионы вдвоём! У них на данное время преимущество в вооружении, особенно в танках. Но из ружья стреляет человек, Красная Армия истребляет этого стреляющего человека. Всё опытнее, увереннее и хладнокровнее наша армия делает своё дело — истребление немцев. Они ведут отчаянную и — по их расчётам — последнюю ставку за Москву в истерической надежде хотя бы по сотням тысяч своих трупов пробиться к сердцу нашей родины. Расчёт неверный и надежда безумная. Москва — это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва — это идея, охватывающая всю нашу культуру во всём её национальном движении. Через Москву — наш путь в будущее. Под Москвой германская военная машина изнеможет. И тогда изменится весь ход войны.

(АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ «РОДИНА», стр. 8—9).

Всякую бы другую такую длинную и скучную грамоту Пётр Алексеевич бросил бы через стол секретарю Макарову: «Прочти, изложи вразумительно», — но это была — диспозиция фельдмаршала Огильви. Если считать, что жалованье ему шло с первого мая, и ничего другого он пока не сделал, диспозиция обошлась казне семьсот золотых ефимков, не считая кормов и другого довольствия. Пётр Алексеевич, посасывая хрипящую трубочку и побрякивая в лад ей, терпеливо читал написанное по-немецки творение фельдмаршала.

Вокруг свечей кружилась зелёная мошара, налетали страшные караморы, опалившись — падали навзничь на бумажки, разбросанные по столу, закружилась было, задувая свечи, бражник — величнейшей с полворобья (Пётр Алексеевич вздрогнул, он не любил странных и бесполезных тварей, в особенности тараканов), Макаров сорвал с себя парик, подпрыгивая выгнал бражника из шатра.

Близ Петра Алексеевича сидел, раздвинув коротенькие ляжки, Пётр Павлович Шафиров, прибывший с фельдмаршалом из Москвы, — низенький, с влажными, улыбающимися глазами, готовыми всё понять на-легу. Пётр давно присматривался к нему: достаточно ли умён, чтобы быть верным, побольше ли хитёр, не жаждет ли чрезмерно? За последнее время Шафиров из простого переводчика при Посольском приказе стал там большой персоной, хотя и без чина.

— Опять напутал, напетлял! — сказал Пётр Алексеевич морщась. Шафиров взмахнул маленькими руками в перстнях, сорвался, наклонился и скоро, точно перевёл тёмное место.

— А! только-то всего, а я думал — премудрость. — Пётр сунул гусиное перо в чернильницу и на полях рукописи нацарапал несколько слов. — По-нашему-то проще... А что, Пётр Палыч, ты с фельдмаршалом пуд соли съел, — стоящий он человек?

Сизо бритое лицо Шафирова расплылось вширь, хитрое, как у дьявола. Он ничего не ответил даже не из осторожности, но зная, что немигающие глаза Петра и без того наскавозь прочтут его мысли.

— Наши жалуются, что уж больно горд. К солдату близко не пододёт, — брезгает... Не знаю — чем у русского солдата можно брезговать, задержу у любого рубаху, — тело чистое, белое. А вши — разве у обозных мужиков только... Ах, мерзавцы! Зашёл к нему нынче утром — он моется в маленьком тазике, — в одной воде и руки вымыл и лицо, и нахаркал туда же... А нами брезгает. А в бане с приезда из Вены не был.

— Не был, не был... — Шафиров весь трясся — смеялся, прикрывая рот кончиками пальцев. — В Германии, — он рассказывал, — когда господину нужно вымыться — приносят чан с водой, в коем он по надобности моет те или иные члены... А баня — обычай варваров... А больше всего господин фельдмаршал возмущается, что у нас едят много чеснока и толчёного, и рубленого, и просто так — равно и холопы и бояре... В первые дни он затыкал нос платочком...

— Да ну? — удивился Пётр. — Что ж ты раньше не сказал... А и верно, что много чесноку едим, впрочем, чеснок вещь полезная, пускай уж привыкает...

Он бросил на стол прочитанную диспозицию, потянулся, хрустнул суставами и, — вдруг — Макарову: — Варвар, смахни со стола эту пакость, мошкору... Вели подать вина и стул для фельдмаршала... И ещё у тебя, Макаров, привычка: слушать, дыша чесноком в лицо... Дыши отвернувшись...

В шатёр вошёл фельдмаршал Огильви, в жёлтом парике, в белом, обшитом золотым галуном военном кафтани, в спущенных ниже колен мягких ботфортах. Подняв в одной руке шляпу, в другой трость, он поклонился и тотчас выпрямился во весь большой рост. Пётр Алексеевич, не вставая, указал ему всеми растопыренными пальцами на стул: — «Садись. Как здоров?» Шафиров, подкатившись — со сладкой улыбкой — перевёл. Фельдмаршал, исполненный достоинства, сел, несколько развалился и выпятив живот, далеко отнёс руку с тростью. Лицо у него было желтоватое, полное, но постное, с тонкими губами, взгляд — ничего не скажешь — отважный.

— Прочёл я твою диспозицию, ничего — разумно, разумно. — Пётр Алексеевич вытаскил из-под стола план города, развернул, — тотчас на него посыпались мошара и караморы. — Спорю только в

одном: Нарву надо взять не в три месяца, а в три дня! (Он кивнул, поджав губы.)

Жёлтое лицо фельдмаршала вытянулось, будто некто, стоявший сзади, помог ему в этом, — рывки брови полезли вверх под самый парик, углы рта опустились, глаза выказали негодование.

— Ну, ну! Про три дня сказал сгоряча... Поторгуемся, сойдёмся на одной недельке... Но больше времени тебе не отпущу. — Сердитыми щелчками Пётр Алексеевич стал сбивать тварей с карты. — Места для батарей выбрал умно... Но — прости — давеча я сам приказал: все заречные батареи повернуть против бастионов «Виктория» и «Гонор», ибо здесь и есть пята Ахиллесова у генерала Горна...

— Ваше величество, — вне себя воскликнул Огильви, — по диспозиции мы начинаем с бомбардировки Иван-города и штурма онного...

— Не надо... у генерала Горна как раз вся надежда, что мы провозимся до осени с Иван-городом. А он нам не помеха, — разве что постреляет маленько по нашим понтонам... далее, — умно, умно, что ты опасешься сикурса короля Карла... В семисотом году из-за его сикурса я погубил армию на этих самых позициях... Ты готовишь контр-сикурс, да он — дорог и сложен и времени на него много кладёшь... А мой контр-сикурс будет тот, чтобы скорее Нарву взять... В быстроте искать победы, а не в осторожности... Диспозиция твоя — многомудрый плод военной науки и аристотелевой логики... А мне Нарва нужна сейчас, как голодному краюха хлеба... Голодный не ждёт...

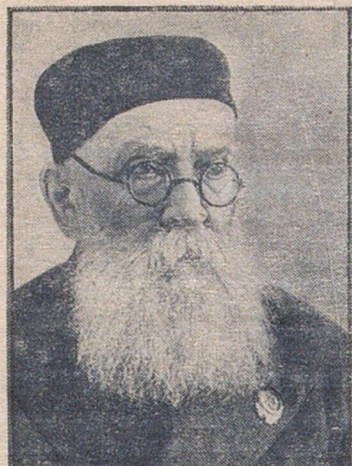
Огильви приложил к лицу шелковый платок. Ему трудно было гоняться мыслью за силлогизмами молодого варвара, но достоинство не позволяло согласиться без спора. Обильный пот смочил его платок.

— Ваше величество, Фортуне было угодно даровать мне счастье при взятии одиннадцати крепостей и городов, — сказал он и бросил платок в шляпу, лежащую на ковре. — При штурме Намора маршал Вобан, обняв, назвал меня своим лучшим учеником и тут же на поле, среди стонущих раненых, подарил мне табакерку. Составляя эту диспозицию, я ничего не упустил из моего военного опыта, в ней всё взвешено и размерено. Со скромной уверенностью я утверждаю, что малейшее отклонение от моих выводов приведёт к губительным последствиям. Да, ваше величество, я удлинил срок осады, но единственно из того размышления, что русский солдат это пока ещё не солдат, но мужик с ружьём. У него ещё нет ни малейшего понятия о порядке и дисциплине. Нужно ещё много обломать палок о его спину, чтобы заставить его повиноваться без рассуждения, как должно солдату. Тогда я могу быть уверен, что он, по мановению моего жезла, возьмёт лестницу и под градом пуль полезет на стену...

Огильви с удовольствием слушал самого себя, как птица прикрывая глаза веками. Шафиров переводил на разумную русскую речь его многословные дидактические построения. Когда же Огильви, окончив, взглянул на Петра Алексеевича, то несообразно со своим достоинством быстро подобрал ноги под стул, убрал живот и опустил руку с тростью. Лицо Петра было страшное, — шея будто вдвое вытянулась, вздулись свирепые желваки сбоков сжатого рта, из расширенных глаз готовы были — не дай боже, не дай боже — вырваться фурии... Он тяжело дышал. Большая жилистая рука с коротким рукавом, лежавшая среди дохлых карамор, искала что-то... Нашупала гусиное перо, сломала...

— Вот как, вот как, русский солдат — мужик с ружьём, — проговорил он сдавленным горлом. — Плохого не вижу... Русский мужик — умён, смел, — А с ружьём — страшен врагу... За всё сие палкой не бьют! Порядка не знает? Знает он порядок. А — когда не знает — не он плох, офицер плох... А когда моего солдата надо палкой бить, — так бить его буду я, а ты его бить не будешь...

...В шатёр вошли генерал Чамберс, генерал Репнин и Александр Данилович Меншиков. Взяв по кубку вина из рук Макарова, сели, где придётся. Пётр, поглядывая в рукопись фельдмаршала со своими пометками, карандашом отчерчивая и пометая на карте, — (стоя перед свечами и отмахиваясь от мошары) — прочёл военному совету ту диспозицию, которая через несколько часов привела в движение все войска, батареи и обозы.

Академик Алексей Евграфович Фаворский. В связи с 85-летием со дня рождения за выдающиеся заслуги в области органической химии награжден орденом Ленина.

А. С. Соловьев 12 лет работает проходчиком на шахте имени Сталина комбината «Кузбассуголь». Он мастер по мелким нарезкам и проходит в смену до 23 метров при норме 2,7 метра. Награжден орденом Трудового Красного знамени.

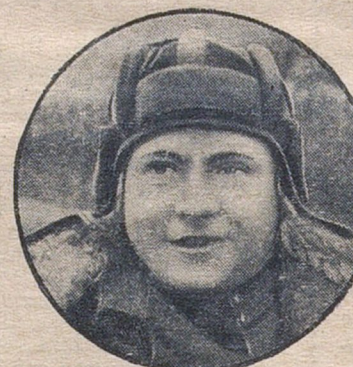
Владимир Пшеничников—токарь Сталинского завода горного машиностроения имени 15-летия комсомола в Донбассе. Он одним из первых перешел на обслуживание двух станков. Выполняет задания на 420—460%.

Лётчики-гвардейцы, уничтожившие более 190 вражеских самолётов. Слева направо: Герой Советского Союза капитан И. Маслов, майор С. Кузнецов, майор И. Зудиллов, подполковник В. Волков, капитан М. Баранов и майор А. Боровых.

Командир орудия гвардии старшина М. А. Зверев (слева) сражается в Восточной Пруссии. Он уничтожил более 180 немцев и подавил 9 огневых точек. Справа: Герой Советского Союза гвардии старшина А. В. Антипин. На его счету 8 уничтоженных немецких танков и более роты противника.

Майор Урузмаг Хасигов (слева) командует стрелковым батальоном. Недавно его батальон, действуя в танковом десанте, проявил большую отвагу и воинское умение. В результате боя было занято 17 немецких населённых пунктов, захвачено 200 автомашин, 17 орудий, 6 шестиствольных миномётов и другая техника. Справа: механик-водитель танка старшина Николай Давыдов. Он уничтожил гусеницами своего танка 4 вражеских пушки, 9 автомашин и до 100 гитлеровцев.

Ткачиха-стахановка, ныне мастерица-инструктор, Ирина Тихоновна Тихонова полвека проработала на шелкоткацком комбинате имени Щербакова. На снимке: тов. Тихонова обучает молодых ткачих Марию Шатилову и Людмилу Баринкову.

Герой Советского Союза Минай Филиппович Шмырев. Ещё недавно партизанский отряд под командованием «деда Миная» активно помогал Красной Армии громить немцев на белорусской земле.

Знатный звёздной орденоносцы И. А. Карлов — опытный колхоз «Путь к социализму», Красноярского края. В 1944 году он получил на участке в 126 гектаров — средний урожай по 28 центнеров пшеницы.

Передовой стахановец Уралмашзавода комсомолец Николай Хабарин. Выполняя обязательства, данные уральцами в новогоднем рапорте товарищу Сталину, Николай Хабарин довёл свою выработку до шести норм в смену.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

В. Каверин

Рассказ

Рисунок К. Елисеева

Когда Наталия Петровна убедилась в том, что у неё должен родиться ребёнок, она пришла в отчаяние и «готова была повеситься», как писала друзьям. Самая мысль о самоубийстве была необыкновенно далека от этой высокой, сильной, рано поседевшей, но ещё красивой женщины, всегда много и оживлённо говорившей и производившей всюду, где бы она ни появлялась, какой-то весёлый, энергичный шум. Но тут было не до веселья. Она находилась в эвакуации, в уральском городке, без друзей и знакомых.

С великим трудом удалось ей снять маленькую комнатку за кухней; хозяйка попала суровая, неприветливая, — это особенно огорчало Наталию Петровну. Денег было мало — только те, что она получала по лейтенантскому аттестату мужа. Но всё это было ещё победы. Главное, что у неё уже было двое детей: мальчик десяти лет и дочь — студентка третьего курса мединститута. Мало того, что жизнь тяжела, муж на фронте и, кто знает, вернётся ли. И без этого, нового, неизвестного члена семейства лишь кое-как удавалось сводить концы с концами. А тут вдруг снова маленький, и надо готовиться, доставать белый материал, шить чепчики и пелёнки, — вот это было уже из рук вон!

Всегда она любила детей, но этого ребёнка, появление которого должно было в десятки раз усложнить и без того сложную и тревожную жизнь, ненавидела, а вместе с ним и себя.

Как девчонка, она рассердилась на мужа, призвавшего к ней на какие-то два дня — только два! Она перессорилась и с соседями.

Так или иначе, но время шло, приближалась зима сорок третьего года, а вместе с ней та минута, когда ребёнок должен был появиться на свет. И он появился — здоровый мальчик, весом в три килограмма восемьсот граммов, похожий на отца, но отчасти и на мать, если судить по той энергии, с которой он на другой же день атаковал материнскую грудь. Он появился — и жизнь, как и предвидела Наталия Петровна, стала бесконечно сложнее. Каждый день мальчика нужно было купать, а комната была хотя маленькая, но холодная. Ванну достать не удалось и приходилось устраивать мальчику душ, то есть просто-напросто поливать его из чайника тёплой водой. Нужно было ходить за добавочным молоком и манной кашей. За столько лет Наталия Петровна совершенно отвыкла от грудных, и всё пришлось начинать сначала, и трудно, нескладно получалось у неё всё то, что прежде, когда родились старшие, выходило само собой.

Кто всем этим заботам присоединилась ещё одна, — может быть, самая большая: мать и сестра, перенёсшие ленинградскую блокаду, приехали к Наталии Петровне — усталые, беспомощные, больные. Устроить их в городе не удалось, и

Таня, которая до сих пор энергично помогала матери, была «брошена на новый фронт», то есть через день стала ездить в пригородный колхоз, где поселились родные.

Так прошли первые три месяца — в холоде, в тяжёлом труде, в мелких и крупных заботах. Наталия Петровна поглубела, ей некогда было следить за собой.

А мальчик рос. Он родился с золотым пушком на макушке, а теперь вся головка заросла, и в профиле — у него уже был профиль — появилось что-то весёлое и доброе. Он редко плакал, отлично спал и очень рано стал различать свет, от души радуясь, когда зажигали лампу, и расстраиваясь, когда её гасили. Чтобы привести его в самое превосходное настроение, вполне достаточно было показать ему его собственную ногу, — очевидно, трудности военного времени приучили его довольствоваться немногим. Словом, это был совершенно «нормальный» экземпляр, как называли его в консультации, и, когда этот нормальный экземпляр, наевшийся, умытый, с волосиками, расчёсанными на пробор, лежал в своей бельевой корзине, с весёлым изумлением озирая окружающий мир, одна странная мысль приходила в голову Наталии Петровны... Но она ещё смеялась над этой нелепой мыслью.

Февраль прошёл, а суровая уральская зима не сдавалась. Присла с завода, три инженера — соседи по квартире — стучались к Наталии Петровне и, если она ещё не спала, заходили погреться. Это были люди, всецело и безусловно занятые очень важным для обороны страны и ответственным делом. Кажется, не только наяву, но и во сне они думали только о нём. Но теперь, как это ни странно, они думали иногда и о Мите. Иначе один из них не принёс бы ему чулочки, а другой, отправившись в воскресенье на базар, не купил бы шапочку с огромным помпоном.

Да и не только они! Неизвестно, когда и как это произошло, но Митя стал самым заметным лицом во всей большой перенаселённой квартире. Всем было дело до него, и даже суровая хозяйка сказала однажды Наталии Петровне, что «таких больше нет». Стоило Петке, который обожал братишку, выйти с ним во двор, и сразу находился добрый десяток «няней» самого разнообразного возраста.

Наконец, зима сдавалась, пожелтели дороги, снег сошёл, и чёрными стали кедры на бульваре, по которому гуляла теперь Наталия Петровна с детьми. Это был вечер субботы, и, надышавшись свежим воздухом, нагулявшись допоздна, таша Митю, она вернулась домой. Вечер прошёл в обычных заботах. Уложив детей, она перечитала письмо от мужа, который сообщал, что намерен в начале апреля приехать на несколько дней.

Потом прилегла и уснула, но, должно быть, ненадолго, потому что, когда она открыла глаза, свет, пробивавшийся сквозь шторы, был даже ещё не ночной, а сумеречный, вечерний. Митя спал, подняв ручки вверх, как будто собрался полететь, но раздумал. Она стала смотреть на него в полутьме, и мысль, за которую она прежде сердилась на себя, вновь явилась перед ней. Но её уже нельзя было оставить на время или отстранить навсегда. Это было могущественное физическое ощущение, вдруг так поразившее её, что мурашки прошлись у неё по спине и ей стало даже холодно от восторга.

«Как могла я думать, что мне было лучше жить без него? — сказала она себе. — Как стыдно, что я выбирала — точно есть на свете что-нибудь, что можно сравнить с этой прелестью, с этими ручками и ножками, с золотыми волосиками, с тем, что я могу ласкать его? Неужели это я проклинала себя и сердилась на мужа? Боже мой, но ведь это же — счастье моё!»

И она не могла представить себе, как она прежде жила без этого счастья.

Муж Наталии Петровны, как он и писал, приехал в начале апреля. Это был крепкий, смелый человек, балтийский моряк, но всю дорогу неясное чувство робости, сознания, что он в чём-то виноват перед женой, тяготило его. Шум, знакомый, весёлый шум, которым славилась не только Наталия Петровна, но и вся его семья, поразил его, когда по деревянной лестнице он стал подниматься на второй этаж. Ступая на носках, он осторожно приоткрыл дверь: как маленький король с развевающимися золотыми волосиками, Митя сидел в своей корзинке и смеялся, а вокруг него Наталия Петровна, Таня и Петька, показавшиеся ему огромными в маленькой кухне, горлалили какую-то весёлую ерунду и отплясывали семейный танец...

СОЛНЫШКО

Из хаты вышел старый дед,
Седой, в кожаных одетый.
И, первым солнышком пригрет,
Сощурился со света.

Отпартизанил дед в лесу,
Теперь иное дело.
Зесна хотя не на носу,
Но видишь — как пригрело!

Пять тракторов от немца спас
Он со своим отрядом, —
Теперь, пожалуй, самый раз
Их привести в порядок.

Не ждать весны,
Когда сугроб
Сам по себе растает.
И, сдвинув малахай на лоб,
Старик идёт к сараю.

У ног его визжит Жучок,
Бежит с весёлым лаем.
И лентой трубочный дымок
Летит за малахаем.

Антон ПРИШЕЛЕЦ

* * *

Зарницей вспыхнула ракета
И меркнет, меркнет, как свеча...
Там, впереди, за рвами где-то,
Лежит земля, Она «ничья».

Она легла полоской узкой,
Вся в тёмных трещинах
траншей...
Земля была родною, русской,
Кто смел назвать её «ничьей»?!

В ту ночь мы двинулись в атаку,
Одним порывом. Молча. В рост.
И гром, срываясь с буераков,
Летел до синих дальних звёзд.

Александр ГАРКУША

ЛАБОРАТОРИЯ СМ

Подобно Майданеку, Треблинке, Освенциму, лагеря смерти, только меньшего масштаба, как постепенно выясняется, были созданы гитлеровскими извергами не только в Польше, но и в Западной Европе. Недавно такие лагеря были обнаружены, со всеми приспособлениями для массового человекоубийства и крематориями, в Фехте (Голландия, провинция Северный Брабант) и во Франции, в Нацвайлере (на склонах Вогез, в Нижнем Эльзасе). Лагерь Нацвайлер отличается от остальных тем, что, помимо прямого убийства заключённых, здесь производились над ними «научные опыты» немецкими палачами в учёном звании профессоров. Ниже мы приводим описание лагеря Нацвайлер, сделанное по материалам, опубликованным во французских газетах.

— По ночам здесь стонала вся гора, — рассказывают окрестные жители. В сторону от главного шоссе уходила дорога в горы. Куда, — неизвестно: на ней не было обычных путевых указателей. В 8 километрах за сосновым бором дорога обрывалась. Первое здание — роскошная вилла с голубым бассейном и фонтаном, огромными цветниками, садом и огородами. Это была резиденция коменданта лагеря, командира войск СС. А метрах в 50, за двойной изгородью из колючей проволоки, был раскинут лагерь. Бараки поднимались уступами вверх.

В каменоломнях близ лагеря работали тысячи заключённых. Владелец каменоломен был не кто иной, как Вагнер, гаулейтер Эльзаса. Самые здоровые заключённые долго не выдерживали этой изнурительной, каторжной работы. Как только они заболели или теряли трудоспособность, их возвращали в лагерь, где они поступали в центральный барак, над которым возвышалась высокая труба крематория.

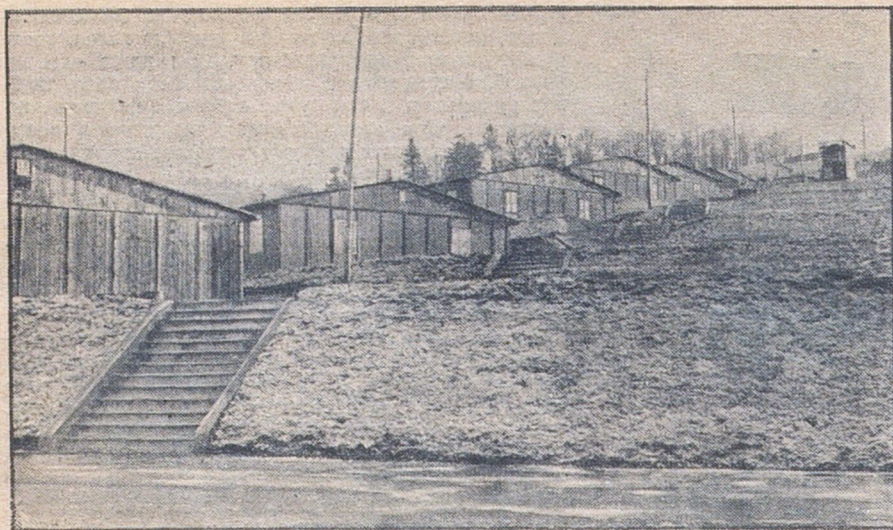
Среди найденных документов имеется табличка о смертности заключённых. В первую графу занесено число умерших «естественной смертью» по двум причинам — либо от «разрыва сердца» либо «в результате хирургической операции». Затем следуют графы: «расстреляно», «повешено», «попало» и «покончили самоубийством». Почему разграничены цифры последних двух категорий, — это секрет эсэсовских тюремщиков.

Другой документ даёт представление о личном составе заключённых. Это дневной рапорт коменданта лагеря, составленный на 31 октября 1944 года и включающий только лиц мужского пола. Всего на этот день в лагере содержалось 18 486 человек, в том числе детей, подростков и юношей до 20 лет — 2595, стариков 60—70 лет — 34. В графах предусмотрены также заключённые в возрасте 70—80 лет и отдельно — свыше 80 лет; на 31 октября графы по этим возрастам остались незаполненными.

Заключённые, как видно из рапорта, делились на 13 категорий: военнопленные, иностранные рабочие, евреи, цыгане, испанские республиканцы, немецкие дезертиры, французские священники и т. д.

В крематорий Нацвайлера попадали не только нетрудоспособные, но и здоровые заключённые. В то время как первых здесь убивали и отправляли в печь просто в целях истребления, вторые играли роль подопытных кроликов. С первыми расправлялись эсэсовцы, получавшие за каждую «операцию» премию: 2 бутылки пива, 300 граммов колбасы и 6 сигарет. Вторых убивали на операционном столе гитлеровский профессор Хирт и его ассистенты.

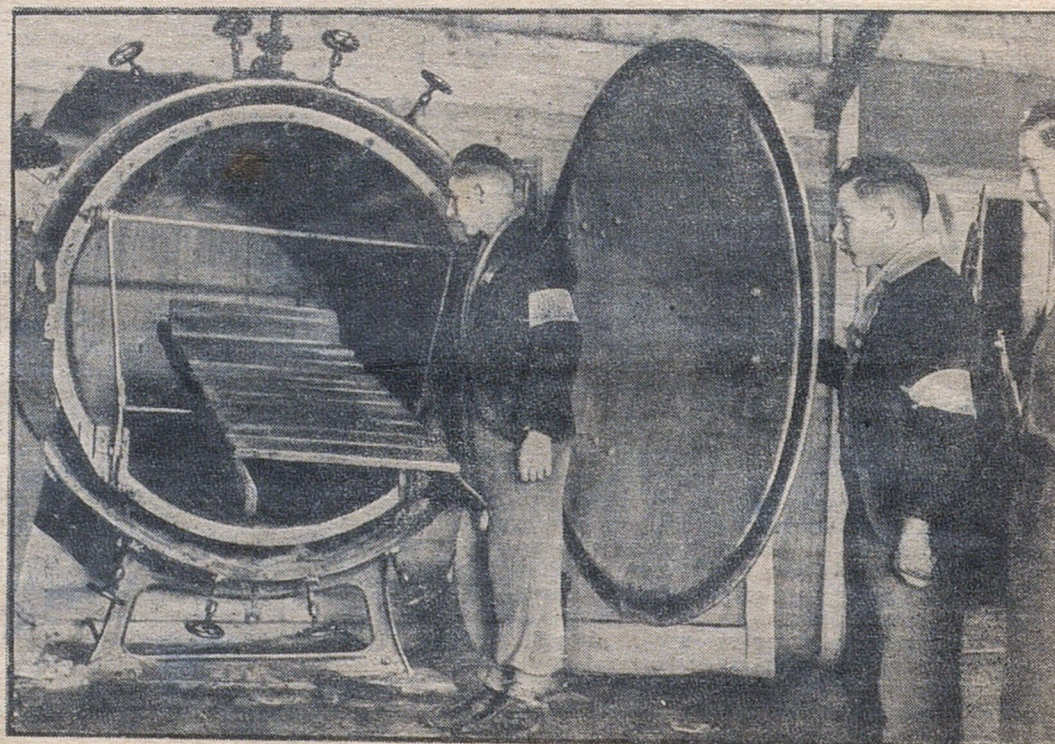
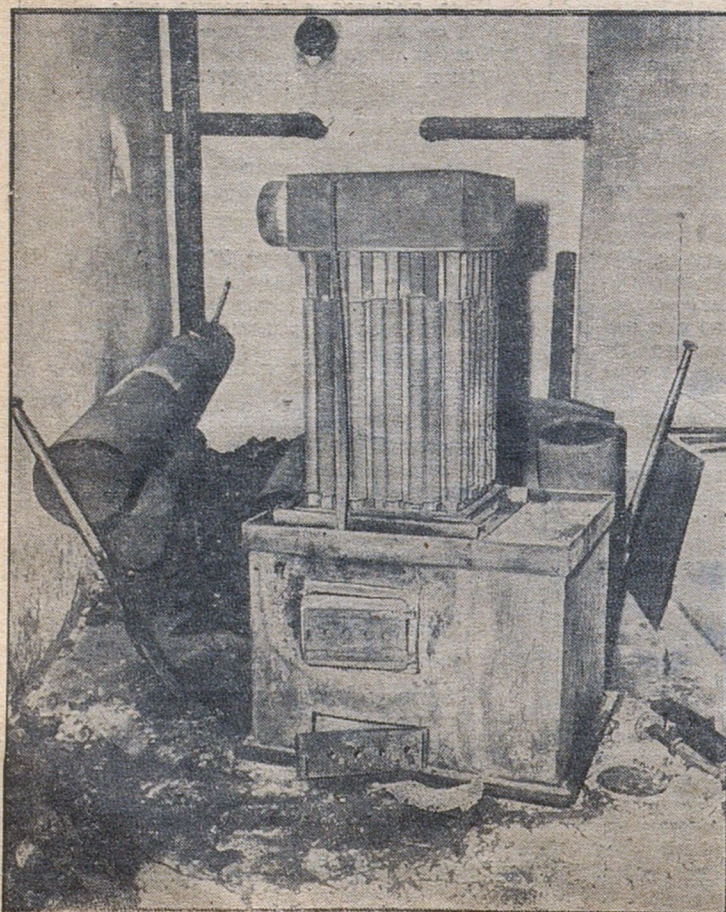
Вход в крематорий вёл в два помещения: мужское и женское. Здесь заключённые раздевались и их загоняли в соседнее помещение, настоящую

Общий вид лагеря Нацвайлер. Бараки расположены таким образом, что всегда находились в поле зрения гестаповцев.

Центральный барак с крематорием, камерами пыток, газовыми камерами.

Слева: газогенератор специальной конструкции для выработки удушливых газов. Отсюда газ по трубам поступал в газовые камеры. Одну из таких «опытных» камер вы видите на фото справа. В ней на живых людях испытывались новые отравляющие вещества.

МЕРТИ В ЭЛЬЗАСЕ

бойню с покатом к центру цементным полом для стока крови. Кровь собиралась в баки для использования.

В другом помещении, имевшем «медицинский» облик, стоял стол для хирургических операций; рядом был небольшой кабинет дежурного немецкого палача—«врача».

На втором этаже крематория расположен ряд комнат неизвестного назначения — всё оборудование исчезло. Только в одной небольшой комнате с герметически закрывающейся дверью сохранились некоторые признаки, по которым можно судить о её предназначении. Это была камера пыток, где людей подвешивали на вбитых в стены крюках, а затем отравляли газом. Труба в стене вела вниз, в ангар, где был установлен мотор, подававший в трубу газ.

В километре от лагеря сохранилась «баня»—большая душегубка, построенная специально для опытов с новыми газами. Сюда приводили совершенно здоровых заключённых по специальному отбору врачей. В стенах душегубки имелись стеклянные глазки, через которые Хирт и его ассистенты наблюдали за действием газа. Газ, повидимому, был замедленного действия, так как убийство длилось почти час. Отсюда трупы жертв увозились на грузовиках либо в Нацвайлер либо в Страсбург для нужд университетского анатомического театра.

Профессор Хирт проводил свои «опыты» в Нацвайлере в течение двух с лишним лет. Заключённым прививались тиф, холера, чума, проказа и другие эпидемические болезни. За каждой жертвой велось тщательное наблюдение, аккуратно заносились все проявления болезни, вплоть до момента агонии. По окончании опыта тела замученных отправлялись в крематорий.

Среди прочей утвари найдены шипцы, которыми Хирт и его помощники вырывали золотые зубы и коронки заключённым перед отправкой их в крематорий.

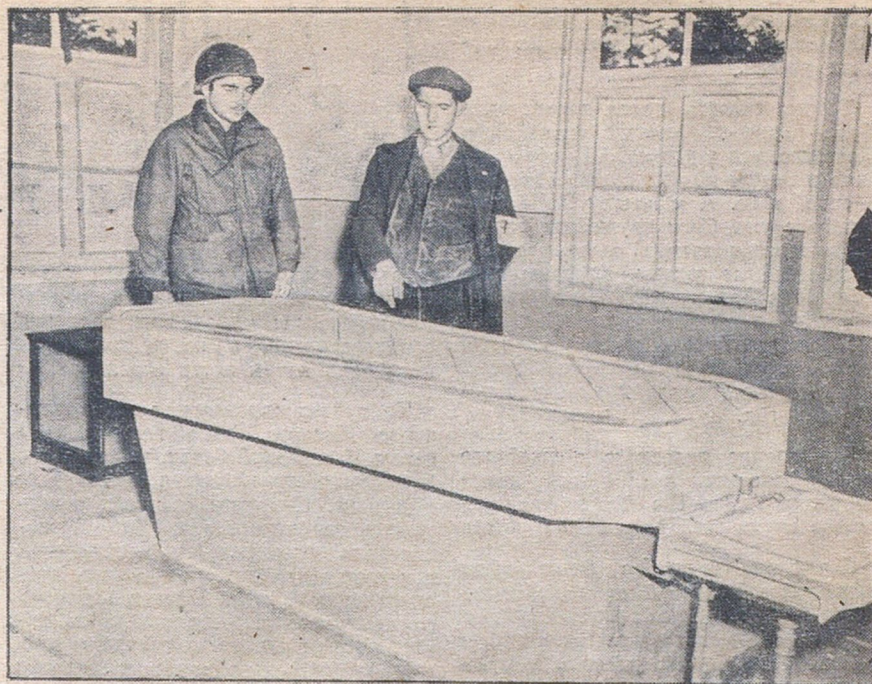
Пепел сожжённых из крематория поступал для Удобрения цветника и огорода на вилле лагерного коменданта. Сжигали, повидимому, небрежно, так как на огороде среди куч пепла обнаружены не полностью сожжённые, обуглившиеся черепа. На письменном столе коменданта лежало пресс-папье, сделанное из человеческого черепа.

Лагерь давал немцам побочный доход от продажи пепла в специальных урнах ценою в 60 марок и получше — в 120 марок. Право приобретать пепел своих казнённых родственников было предоставлено только немцам. Но и здесь не обходилось без низкого надувательства: пепел брался из общей кучи и им заполнялась «персональная» урна.

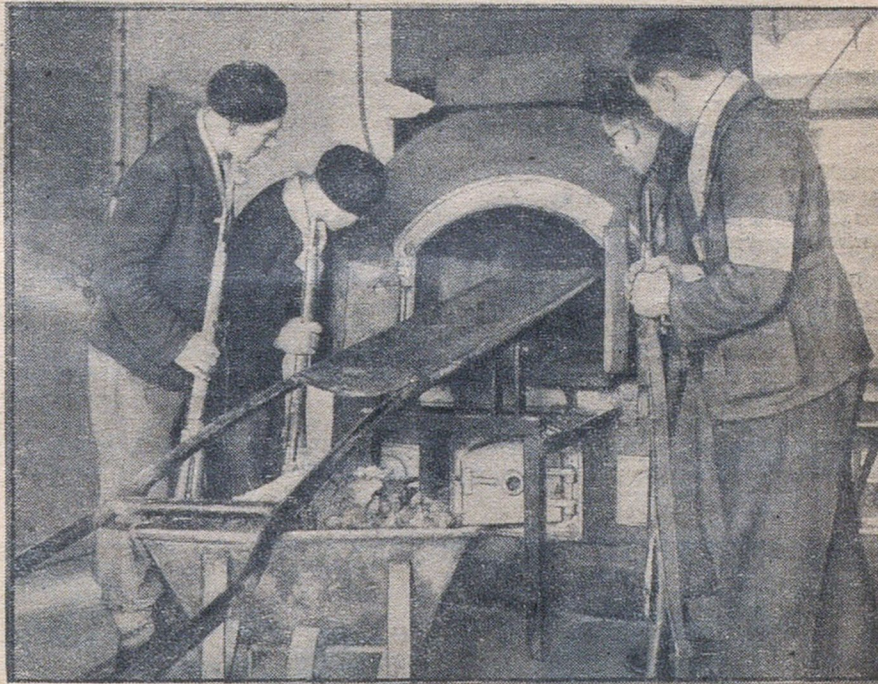
Сколько людей загубили немецкие палачи в Нацвайлере,—установить не удалось. Число их определяется во многие десятки тысяч.

Наступление союзных войск в этом районе было стремительным, и немецко-фашистские бандиты бежали из Нацвайлера, не успев, — как они обычно это делают, — сжечь лагерь смерти, уничтожить улики, замести следы своих подлых преступлений. Им удалось лишь вывезти часть «медицинского» оборудования из Нацвайлера. Всё остальное осталось почти нетронутым, включая крематорий с его печами, носилками и прочей сатанинской утварью.

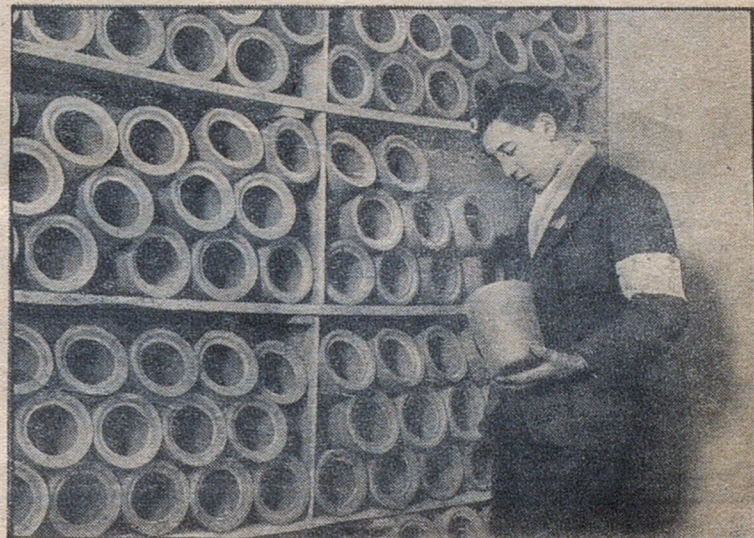
Печатаемые нами снимки сделаны военными фотокорреспондентами в момент, когда бойцы французского движения сопротивления производили обследование лагеря Нацвайлер.

«Операционная». На этом столе немецкие палачи, в звании «учёных», производили опыты на своих жертвах.

Одна из печей крематория. По своему устройству она напоминает печи крематория Майданека. Здесь были сожжены тысячи узников лагеря Нацвайлер.

Слева: склад вещей, снятых с убитых заключённых. Часть вещей уже была упакована для отправки в Германию. Справа: урны, которые заполнялись пеплом сожжённых. Немцы торговали прахом своих жертв.

Тулу называли в старину «городом мастеров». Это название употреблялось не раз даже в официальных царских указах.

Трудно сказать, когда появились в Туле первые мастера-оружейники. Известно, что в конце XVI века тульские кузнецы ковали оружие каждый в своей избе. А к началу XVII века в городе уже была оружейная слобода, население которой выполняло государственные заказы. Кузнецы причислялись к одному какому-нибудь ремеслу — ложевому, замочному или ствольному. Только редкие умельцы могли «состроить» всё ружьё сразу. Слобода изготовляла 2 тысячи самопалов в год.

Зарождение тульского оружейного завода относится к 1705 году, когда по указу Петра I в Туле был построен оружейный двор с 50 горнами.

С тех пор (точнее, с начала войны за выход к Балтийскому морю) туляки из года в год увеличивали выпуск ружей, совершенствуя из поколения в поколение своё мастерство и механизировав производство.

Тульский оружейный двор был основным поставщиком оружия для русской армии. Ружья и самопалы были безотказны, и туляки прославились в народе.

«Испытанием доказано, — писала в одном из указов Екатерина II, — что империя наша во многих благополучно и славно законченных войнах защищалась оружием дела сего завода, не дознав недостатка ни в числе мастеров, ни в искусстве их, от времени далее возрастающем».

В конце XVIII века правительство послало в Англию для изучения оружейного дела одного из лучших тульских мастеров — Алексея Сурнина. Его поездка породила в народе множество легенд и сказов, один из которых послужил материалом для «Сказа о тульском косом Левше» Лескова. Автор этого чудесного рас-

ТУЛЬСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ

Л. Русанова

сказа считает, что сюжет сказа выдуман и основывается только на народной прибаутке: «Англичане из стали блоху сделали, а наши туляки её подковали да им назад отослали».

Но туляки опровергают это заключение Лескова. Они говорят, что стальной заводной блохи, может быть, и не было, но многое в рассказе не выдумано. Например «пистоля неподражаемого мастерства», которой похвастали англичане в кунсткамере, вызвавшая необычайную зависть русского царя. А казак Платов, несмотря на протесты англичан, вынул из пистолета замок и показал государю русскую надпись на нём: «Иван Москвитин во граде Туле».

Известно, что у знаменитых охотничьих ружей английской фирмы «Голланд» замки действительно оказались русские, изготовленные «во граде Туле».

После поездки Сурнина в Англию и приезда английских механиков на тульский завод производство ружей было значительно усовершенствовано. Но тульские мастера никогда не ограничивались простым заимствованием чужих знаний. Они не только творчески осваивали опыт английской оружейной промышленности, но во многом превосходили своих наставников. Тульский оружейник Латов сделал станок для точения замочных лажыжек, во многом превосходивший всё, что до него изобрели для этой цели англичане. Англичанин Джонс, посетивший тульский завод (и проработавший на нём много лет), писал о тульских мастерах: «Едва ли во всей

Англии найдутся подобные им по сей части...».

От производства самопалов до трёхлинейной винтовки, от пистолетов до новейшего первоклассного вооружения Красной Армии и спортивных ружей тончайшей отделки тульские оружейники всегда, во все времена, оставались не только преданными патриотами своей родины, делавшими «на армию ружья днём и ночью с крайним поспешением» (из указа времён Семилетней войны с войском Фридриха II. — Л. Р.), но и искуснейшими мастерами, прославившими на весь мир марку «во граде Туле».

* * *

В старину туляки устраивали городскую выставку, на которой показывали многочисленным приезжим посетителям не только ружья великолепной отделки, но и разные замысловатые технические новинки, диковинные машинки, образцы художественной гравировки по дереву и металлу.

На одной из таких выставок, в 1913 году, внимание посетителей привлёк двухэтажный домик с резным крыльцом и идилическим петушком на крыше. Маленький красивый домик был просто мышеловкой, в западню которой можно было поймать одновременно сколько угодно мышей. Выяснилось, что мышеловку «состроил» (выражение, до сих пор распространённое в Туле) шестнадцатилетний паренёк, сын одного из рабочих оружейного завода, Мишка Почукаев. «Мышеловом» заинтересовались. Его приняли в святая-святых завода —

инструментальный цех — несмотря на молодость, отсутствие подготовки и связей.

Почукаев не только быстро освоил всё, что нужно было знать для работы в цехе, но придумал несколько усовершенствований, ускорявших и улучшавших производственный процесс. Благодаря сконструированному им приспособлению производство одного из нужнейших в ружейном деле инструмента — ролика — сократилось от 18 до 8 дней. Позднее Почукаев сократил срок изготовления ролика до 2 дней.

Почукаев стал хорошим слесарем-инструментальщиком, но эта деятельность была ему не по душе. Он украдкой, в свободные минуты, изучал граверное дело, забираясь в соседний цех, где художники-граверы отделывали и украшали охотничьи ружья.

Михаил Исаевич Почукаев и его друг Иван Сергеевич Федосеев первыми освоили гравировку по стали. Раньше считалось возможным гравировать только по золоту, серебру и латуни. Теперь Почукаев — известный мастер резьбы по металлу — и Федосеев — прославленный чеканщик, — проработавшие на тульском заводе свыше тридцати лет, награждены орденами Ленина.

Вот одно из творений этих искуснейших мастеров — великолепная двухстволка. На магазинной коробке гравер воспроизвёл известную картину Перова — «Охотники на привале». Ствол ружья украшен дубовыми листьями. Ружьё так красиво, что принимавшие его люди сказали Почукаеву: «Хорошо сделано. Не грешно и расписаться под такой работой». Почукаев ответил: «Я уже расписался». И совсем как в «Левше» мастер принёс пятнадцатикратную лупу, и только тогда все увидели надпись «Гравер Почукаев» на тончайшем стебельке, едва видном простым глазом (1/10 миллиметра).

Это ружьё — не случайная работа Почукаева и Федосеева. С 1944 года на заводе возобновлён массовый выпуск охотничьих ружей. В «охотничью группу», организованную на заводе, вошли старейшие рабочие завода, носители славных традиций тульских оружейников, мастера чеканки, гравировки, точного ружейного боя, универсальные «умельцы» — мастера на все руки.

Среди уже выпущенной «охотничьим» цехом продукции были ружья и карабины, отделанные особенно тщательно и искусно. Туляки преподнесли их героям обороны своего города.

Крупнейший оружейный завод страны и сейчас выпускает в огромных масштабах вооружение для Красной Армии, тем не менее сейчас, в дни решающих битв на немецкой земле, тульские мастера не только «днём и ночью с крайним поспешением» коуют оружие для фронта, но, как всегда, показывают миру, что их дело — не ремесло, а искусство. Спортивные и охотничьи ружья, изготовленные сегодня на тульском заводе, — это подлинные произведения искусства, в которых воплотились веками накопившиеся опыт и талант прославленных тульских оружейников.

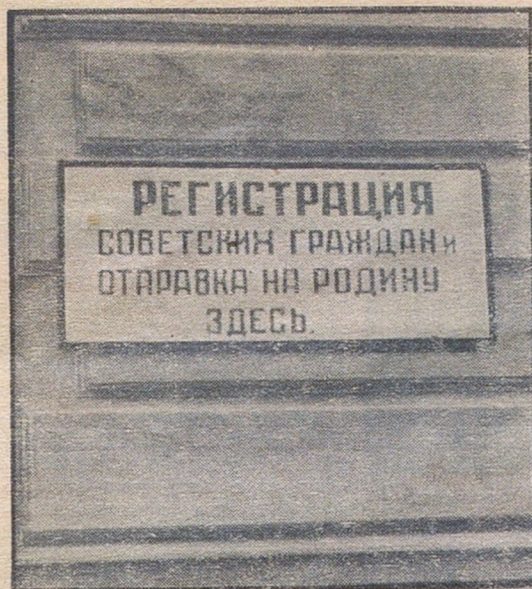
Старейшие оружейники Тульского оружейного завода П. М. Шаталин, М. И. Почукаев и И. С. Федосеев знакомятся с новой конструкцией охотничьего ружья. Объяснения даёт начальник цеха П. К. Бородинский (второй слева).

Фото П. Лисенкина (ТАСС)

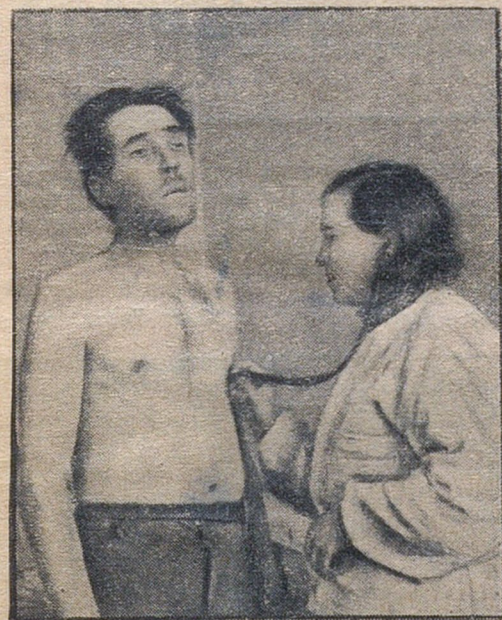
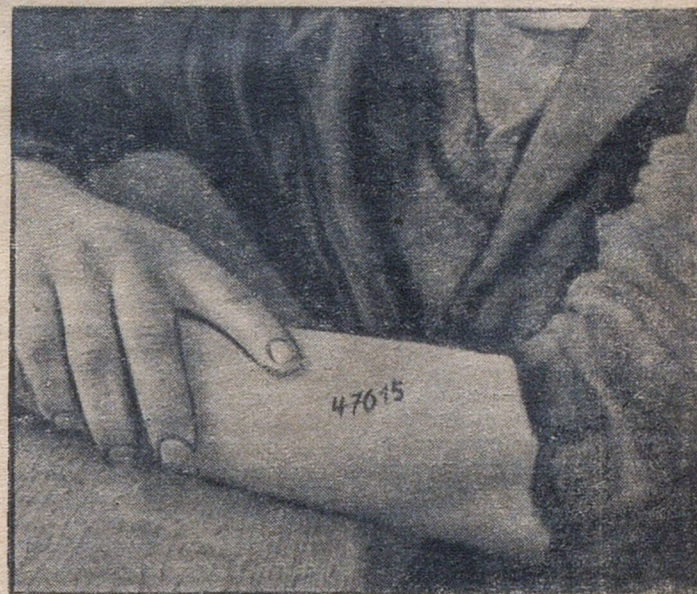
ИЗ НЕМЕЦКОЙ КАТОРГИ

Фото Б. Цейтлина

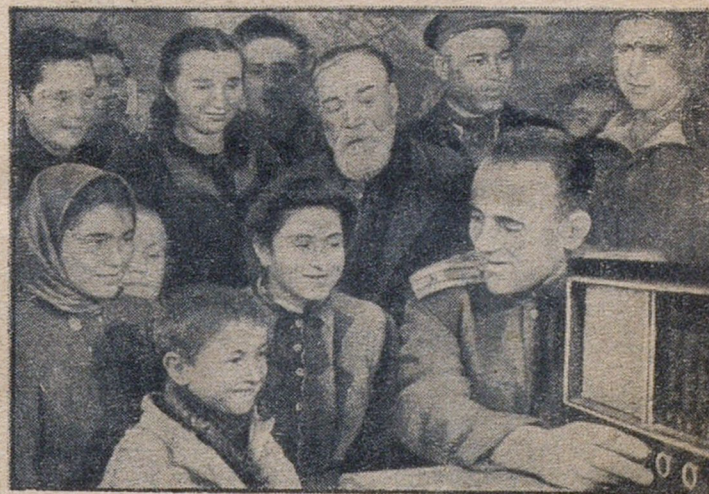
Сотни, тысячи людей. Женщины, дети, старики, юноши, девушки. Со всех концов освобождённой от фашистского ига земли стекаются они на пункт сбора и отправки на родину в польском городе Новый Сонч. Угнанные немцами в рабство советские люди снова обрели свободу. Её принесла им наша победоносная Красная Армия.

Вот Мария Романюк с пятью детьми: старшей, Ганне, — 11 лет, младшему, Михайле, — 3 года. Она была угнана на немецкую каторгу из Западной Украины (снимок сверху). Миколу Федоршина и Андрея Кальника немцы погнали на разгрузку вагонов. Обессиленные от голода и изнурительного труда, они не в состоянии были отскочить от двинувшегося поезда и попали под колёса вагона. Тому и другому отрезало ногу (снимок слева). Немецкие рабовладельцы клеймили своих невольниц, как скот. Вот на руке у советской девушки выжжен номер «47615» (снимок справа).

На пункте регистрации все освобождённые из немецкой неволи проходят медицинский осмотр. На снимке: врач М. И. Чернова выслушивает освобождённого из лагеря И. В. Замышляева.

У рояля Игорь Пакальнис, 17 лет. Он был схвачен немцами в Павлограде и увезён в Германию. Игорь — хороший пианист, участник музыкальных олимпиад. Теперь он снова за любимым инструментом (снимок слева). С радостными, улыбающимися лицами слушают советские люди вести с родины (снимок справа).

«НАШЕСТВИЕ»

Новый художественный фильм

Пьеса Леонида Леонова «Нашествие» правдиво и тонко раскрывает душу советского народа, его переживания и дела в период самых тяжёлых испытаний, когда гитлеровские захватчики вторглись на нашу родную землю.

Сценарист Чирсков и режиссёр Роом раздвинули рамки театрального спектакля, и зритель увидел, какие ещё громадные возможности заключены в этой замечательной эпопее о доблести советских людей, об их мужестве перед лицом опасности, об их пламенной вере в грядущую победу.

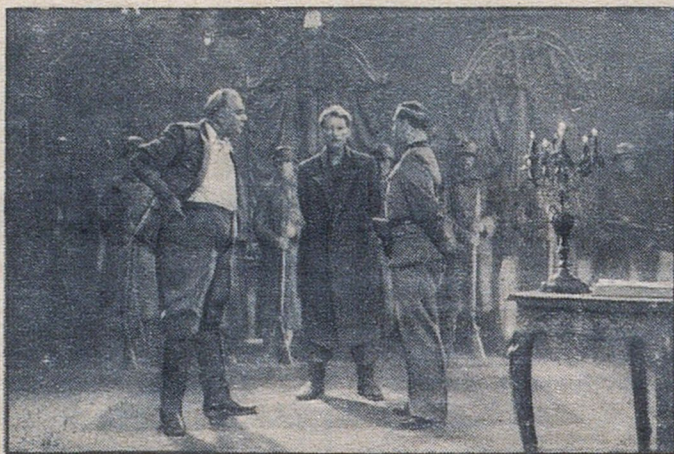
В фильме живут не только персонажи пьесы: одним из действующих лиц стал русский город — его опустевшие, настороженные улицы и словно вымершие дома с плотно закрытыми, занавешенными окнами, за которыми — как ни борются с этим нацисты — идёт потаённая, но деятельная жизнь.

В семью старого врача Таланова вернулся «блудный сын» Фёдор, отбывший наказание за покушение на убийство жены. Он ещё не нашёл своего места в жизни, он ещё не знает, куда плыть, к какому берегу пристать...

Одновременно с вторжением немцев прибыл сюда и бывший богач — купец и домовладелец Фаюнин, дождавшийся, наконец, своего часа и принявший из вражеских рук пост городского головы. Он поселяется в «своём» доме, в «своей» квартире бок о бок с Талановым. Из их же квартиры уходит в подполье председатель райисполкома Андрей Колесников. Дочка Талановых, учительница Ольга, тайком от родителей и от брата становится связующим звеном между Андреем и партизанами. Ка-

кой клубок сложных противоречий, скрещивающихся и переплетающихся человеческих судеб!

С первых кадров фильма внимание зрителя приковано к Фёдору. За ним следят с нарастающим интересом, его судьба заставляет волноваться и ждать развязки. В этом заслуга и драматурга, и режиссёра, и артиста Олега Жакова. С большой внутренней силой передаёт он двойственную природу души Фёдора, его постепенное превращение из отщепенца в гражданина и героя, смертью своей искупающего всё прошлое: раз-

Кадр из фильма «Нашествие». Шпурре допрашивает Фёдора в доме Фаюнина.

лад с семьёй, с обществом, с народом.

Большое впечатление оставляет и артистка Ольга Жизнева в роли Талановой. Её игра отличается той благородной простотой, какая свойственна лучшим традициям русского сценического и экранного реализма. Она создаёт величественный и цельный образ матери. Даже в таких сценах, как допрос Фёдора или финальные кадры фильма, когда она видит повешенного гестаповцами сына, в игре О. Жизневой нет

ни подчёркиваний, ни нажима. Каждое чувство пережито ею до конца, для каждого найдена убедительная, пластическая форма.

Фаюнина мастерски играет артист В. Ванин — исполнитель этой же роли в спектакле Театра имени Моссовета. На экране игра В. Ванина стала ещё ярче. Крупные планы расцветили новыми красками омерзительный портрет этого мертвеца, вылезшего из подполья.

Фильм «Нашествие» поставлен одним из лучших кинорежиссёров, А. Роомом, который работает в кинематографии уже 25 лет. Творческая манера Роома сочетается в себе остроту психологического рисунка с использованием всех средств кино. Наиболее удалось ему в «Нашествии» эпизоды, происходящие в доме Талановых. Здесь драматургия фильма передаёт все

особенности драматургии Л. Леонова. Можно спорить о заключительных сценах, где погоня за кинематографической динамикой уводит сценариста и режиссёра от психологии действующих лиц к чисто внешним приёмам развёртывания событий (предотвращённый взрыв моста, поджог города, бегство немцев и т. д.). Не развита в сценарии и фильме одна из существеннейших сюжетных линий пьесы — то «лекарство», которым исцеляет Фёдора отец, показывая ему обесщещен-

ВЕЛИКИЙ МУЗЫКАНТ И УЧЕНЫЙ

А. П. Бородин.

Предпринятая Государственным музыкальным издательством популярная серия «Классики русской музыки» пополнилась только что вышедшим в свет новым изданием — книжкой И. Бэла «А. П. Бородин».

Имя Александра Порфирьевича Бородина равно принадлежит и русской музыке и русской науке. Гениальный автор «Князя Игоря» и «Богатырской симфонии», соратник Мусоргского и продолжатель заветов великого Глинка, Бородин оставил также памятный след и в летописях отечественной химии. Русская химическая школа многим обязана

этому пылкому исследователю, плодотворно работавшему в содружестве с гигантами русской науки — Сеченовым и Менделеевым.

Наконец, биография Бородина была бы неполна без такой светлой страницы, какую представляла его неутомимая деятельность в качестве пламенного поборника женского образования в России.

Автор, раскрывая перед читателем основные этапы творческого пути Бородина-музыканта, одновременно подробно показывает и другие стороны многогранного русского гения, который действовал в эпоху блестящего расцвета наук и искусств, в эпоху бурного развития прогрессивных идей под знамёнами Герцена, Добролюбова, Чернышевского.

Поучительны строки, повествующие в очерке о творческой лаборатории Бородина. Гениальный композитор не был склонен в своей музыкальной практике полагаться только на вдохновение «свыше». В работе над музыкальными произведениями Бородин успешно применял методы учёного-исследователя. Читатель с интересом прочтёт приведённое И. Бэла свидетельство В. В. Стасова об истории создания «Князя Игоря».

«Бородин, — вспоминает Стасов, — перечитал всё, что только могло относиться к его сюжету. Я доставлял ему летописи, трактаты, сочинения о «Слове о полку Игореве», переложения его в стихи и прозу, исследования о половцах; эпические русские песни, «Задонщину», «Мамаево побоище»... эпические и лирические песни разных тюркских народов (для княжны Кончаковны и вообще всего половецкого элемента)... музыкальные мотивы, записанные в Средней Азии или у потомков древних половцев, живущих ещё до сих пор несколькими селениями в одном округе Венгрии. Конечно, — заключает Стасов, — всё это вместе придало необыкновенную историчность, правду, реальность и национальный характер не только его либретто, но ещё более и самой музыке».

Все эти новые материалы к творческой биографии Бородина, впервые получившие отражение в книжке И. Бэла, придадут популярному очерку о великом русском музыканте объективную познавательную ценность.

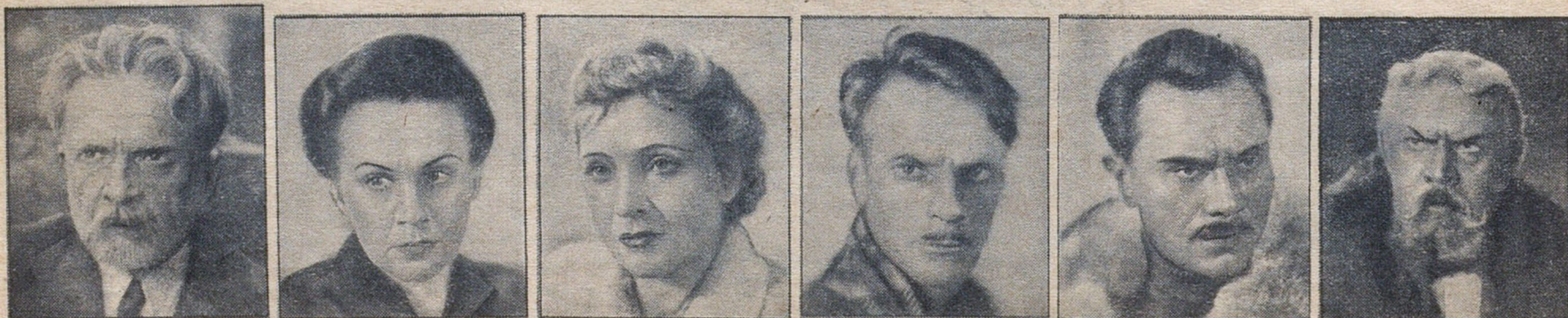
Е. Канн

ную фашистами и умирающую Аниску.

Но эти недостатки не умаляют общего впечатления от прекрасного фильма. В художественных образах этой картины мы видим

истоки великих побед нашей родины, заключающиеся прежде всего в горячем патриотизме советских людей.

Олег Леонидов

Главные действующие лица фильма «Нашествие». Слева направо: врач Таланов — артист В. Гремин, жена Таланова — О. Жизнева, их дочь — Л. Глазова, сын Фёдор — О. Жаков, партизан Колесников — Н. Валерский, Фаюнин — В. Ванин.

СОВЕТСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ В ДНИ ВОЙНЫ

В годы Отечественной войны ни на одну минуту не утихла творческая жизнь советских композиторов. Даже в дни, когда враг стоял у стен Ленинграда, сжав его в кольцо блокады, прямой наводкой из пушек разрушая город, в нём творил Седьмую симфонию, теперь известную миру, советский композитор Д. Шостакович, писали новые произведения Б. Асафьев и другие ленинградские композиторы.

Советские композиторы создали за время войны оперы, симфонии, сюиты, своим творчеством помогая делу победы над врагом. В своих произведениях они отражали величие советского народа, его священную миссию — разгромить врага.

Дм. Кабалевский написал оперу «В огне», В. Юровский — музыку к балету «Алые паруса», А. Гольденвейзер — оперу «Пир во время чумы», Ваню Гокизли — оперу «Патара-Кахи», Т. Садыков — «Меч Узбекистана», М. Варикковский — «Наймичка», К. Тикоцкий — «Алесья», Р. Глиэр — «Рашель».

Многие композиторы создали прекрасные симфонии, ставшие широко известными не только на нашей родине.

Таковы Седьмая и Восьмая симфонии Дмитрия Шостаковича, Пятая симфония и кан-

тата «О мальчике, оставшемся неизвестным» Сергея Прокофьева, Вторая симфония Арама Хачатуряна, Восьмая и Девятая симфо-

Семья Муравлёвых. У пианино: Юрий — 17 лет (играет); рядом с ним композитор Алексей — 20 лет; играет на скрипке Евгений — 14 лет.

Фото В. Котляра

нии Льва Полонинкина, симфонии Гавриила Попова, Мухтара Ашрафи и других.

Разнообразны формы музыкальных произведений, созданных за годы Отечественной войны. Наряду с большим количеством песен, вдохновляющих воинов Красной Армии на ратные подвиги или отражающих героический труд советского народа, кующего оружие для

силенко — вокальную сюиту для хора и оркестра, положив в основу русские песни, Александр Крейн — кабардино-балкарскую сюиту, Иван Дзержинский и Виссарион Шебалин, кроме ряда камерных сочинений, написали сюиты. Камерные сочинения созданы композиторами Николаем Мясковским, Борисом Лятошинским, Сергеем Прокофьевым и другими.

фронта, советские композиторы написали много произведений для концертов. Композитор Михаил Чемберджи написал героическую поэму для оркестра, Николай Раков — концерт для скрипки, Владимир Белый — сюиту «Слава Москве», Сергей Ва-

Литература и Искусство

«НЕВЕСТА ИЗ ТАБОРА»

Первое слово в новой работе Государственного цыганского театра «Ромэн» принадлежит, бесспорно, композитору. С. Бугачевский — знаток цыганского музыкального фольклора — создал мелодический фон, на

Артистка О. Петрова в роли Гилори.

Фото В. Ковригина (ТАСС)

котором В. Югов поставил спектакль «Невеста из табора».

«Невеста из табора» свидетельствует о творческом росте молодёжи театра и прежде всего О. Петровой (Гилори), в лирическом даровании которой ощущаются проблески подлинного драматизма. Во втором акте Гилори по приказу отца должна плясать перед ненавистным женихом. Бессильно уронив руки, выходит она на середину сцены. И вдруг медленные, скованные движения превращаются в стремительный танец отчаяния. Слово огня на ветру, мечется она в кольце равнодушных людей и внезапно застывает, мучительно заломив руки. Хочется упомянуть также К. Кималова в роли простоватого жениха Ивки. Это первая роль молодого актёра, и проводит он её искренно, правдиво. Мягко и привлекателен В. Бизов — балаганщик, весельчак, добрый товарищ. В эпизодической роли кумушки запомнилась С. Андреева, одна из старейших актрис театра.

Текст в этом спектакле призван, видимо, играть только подсобную роль: его нельзя признать удачным.

Тем не менее зритель уносит с собой живое впечатление о самобытном, волнующем искусстве цыган. Когда-то оно пленяло великого Пушкина. Теперь оно живёт на сцене советского, единственного в мире театра цыганского народа.

Р. Глиэр,
народный артист СССР

ПОЭМА ОБ ИЛЬИЧЕ

Поэма Степана Щипачёва «Домик в Шушенском»¹ проникнута глубоким ощущением близости Ленина к сегодняшней великой борьбе советского народа.

Захолустное село, «невзрачный домик» в далёком Минусинском крае, в Сибири, где провёл свою ссылку В. И. Ленин, поэтически осмысливается в поэме, как центр, в котором сосредоточивались главенствующие идеи времени:

«...здесь, где трудится, где мыслит Ленин,

Здесь, в Шушенском, проходит ось земли».

Три года, проведённые Владимиром Ильичём в сибирской ссылке (1897—1900) были периодом интенсивного труда. Здесь Ленин писал статьи, несколько брошюр, здесь он создал свою знаменитую книгу «Развитие капитализма в России».

Поэтической простотой и силой звучат строки поэмы, посвящённые вдохновенному труду Ленина:

«Уж за полночь, окно бело от снега,
А он всё пишет, строчки торопя.
Сквозь выгои девятнадцатого века,
Двадцатый век, он разглядел тебя».

Гениальное проникновение Ленина в будущее невольно приводит поэта к сознанию, что в своих думах о России Ильич тогда «учёл и тот однолошадный двор», где родился сам поэт.

Так, в эпическую тему о ленинском постижении судеб России, её будущего, вливается лирическая тема, придающая

Степан Щипачёв.

всей поэме С. Щипачёва особенную поэтическую взволнованность. По существу, это тема целого поколения, судьба которого была определена Лениным. Недаром поэт вспоминает о десятилетнем тогда Чапаеве, который ещё «на побегушках в чайной у купца»; о приютском мальчике Серёже Кострикове (Кирове), также ещё ничего не знающем о своём пути, как и те ребята из Шушенского, с которыми Ильич катается на коньках. Время раз-

деляет этих людей, выдающихся и рядовых представителей ленинско-сталинской гвардии, которая преобразует страну. Двадцатилетний юноша Сталин в далёком Тифлисе становится вдохновенным восприимчивым ленинских идей.

Строфы поэмы, посвящённые Сталину, одни из лучших в ней:

«Он шляпу снял. Казался, высок и светел,
Сегодня весь открыт его глазам.
Там, да Казбеке побывавший, ветер
Бежит по юношеским волосам».

Когда от духоты на сходке свечи
Тусклей горят и споры горячи,
В его спокойной и негромкой речи,
Как клятва, имя Ленина звучит».

О великом трудно говорить просто. Однако в скупых, точных строках поэмы Щипачёва простота нигде не подменяется выпендренностью, а строгость и сила чувства — риторикой. Маленькая поэма проникнута целостным настроением. Мы вправе поэту говорить, что поэтическая литература о Ленине обогатилась новым талантливым произведением.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что поэма С. Щипачёва появилась в разгар войны с фашистскими захватчиками. В великом испытании, которое с честью выдержал наш народ под водительством Сталина, немеркнущий образ Ленина всегда был в сердцах советских людей фронта и тыла.

Поэтому так убедительно звучат заключительные слова поэмы:

«Стена Кремля седого — рядом с нами,
Вперёд простёрта Сталина рука:

— Пусть осенит вас Ленинское знамя,
И эхом вторят Сталину века».

Н. Жданов

С. Богомазов

¹ Издательство «Советский писатель», Москва, 1945.

ЮНОШИ И ДЕВУШКИ!
МОБИЛИЗУЕМ ВСЕ СИЛЫ НА ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЯ РОДИНЫ И СТАЛИНА!

МОЛОДЫЕ СТАХАНОВЦЫ

Фото Р. Лагранжа

В высокие, просторные цехи авиамоторного завода пришли юноши и девушки, недавно окончившие ремесленное училище. Они впервые попали на завод, оснащенный сложной современной техникой, с разнообразными новейшими станками и машинами. Ребята со страстью начали осваивать незнакомые им процессы производства и технологии. Слившись с коллективом опытных кадровых рабочих завода, они вскоре отлично овладели всеми процессами и стали квалифицированными производственниками, передовыми стахановцами. Внося в свою работу свойственные молодости энергию, задор, инициативу, юноши и девушки добились высоких показателей и по количеству и по качеству вырабатываемой ими продукции. Они знают: сделанные ими детали являются важной частью мощного мотора для боевого самолета. Они знают, что работают для фронта, для окончательной победы над врагом.

Шура Шманденко работает на фрезерном станке. Её показатели — 150% нормы.

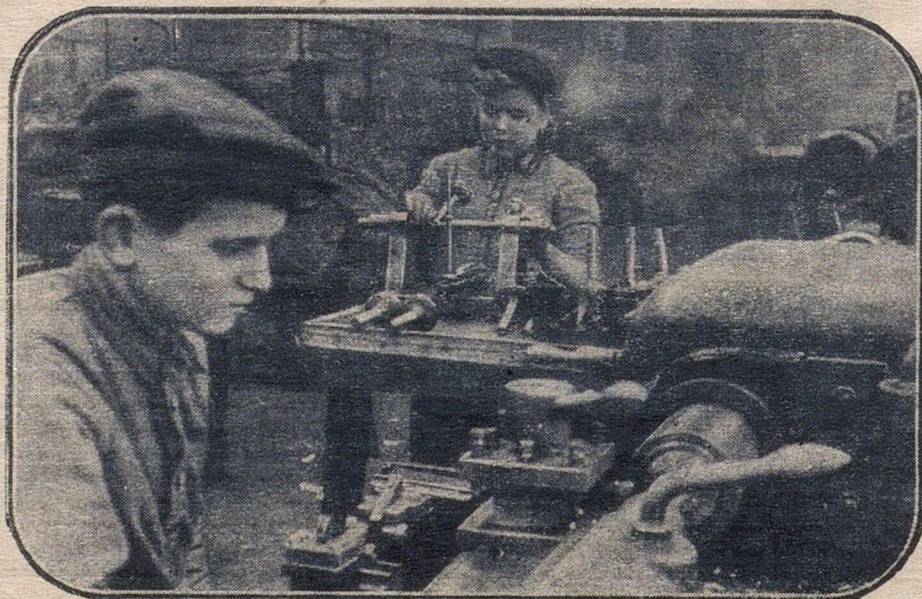
Серёжа Пономарёв — токарь. Выполняет сменные задания на 150—200%.

Токарь Маруся Морозова. Выполняет норму на 160%.

Слесарь Коля Кодратов. Вырабатывает 150—200% нормы.

Женя Дашкеев — токарь. Проработав всего лишь месяц в цехе, он добился высоких показателей выполнения нормы и отличного качества продукции. Его перевели на сложную операцию, и здесь он стал выполнять сменное задание за 3—4 часа. В течение нескольких месяцев Женя присуждается звание «Лучший рабочий цеха». На заднем плане: шлифовальщица Зина Белова, выполняющая 150% нормы.

Павлик Минаев освоил две операции на токарном станке. Его показатели — 200% нормы.

Бася Махов — бригадир молодой бригады фрезеровщиков.

Поэтический вьющик

Карел Чапек

Юмористический рассказ

Рисунок К. Елисеева

— Всяко бывает, — сказал редактор. — Профессиональным преступникам свойственны, знаете ли, хвастливость и фауфаронство. Мне думается, что многие преступники просто зачихали бы от тоски, если бы общество не проявляло к ним интереса. Я не утверждаю, конечно, что люди крадут и грабят только ради славы. Начинается из-за денег, или по легкомыслию, или под влиянием дурных товарищей. Но, изведав однажды славу, правонарушители впадают в эдакую манию величия.

Несколько лет назад я редактировал провинциальную еженедельную газету «Восточный курьер». Сам-то я, правда, уроженец Западной Чехии, но вы бы не поверили, с каким пылом я отстаивал местные интересы восточной провинции! Край там тихий, гористый, как на картинке; журчат ручейки, растут сливы... Но я еженедельно засыпал разными призывами «наш крайстий горный народ, упорно борющийся за кусок хлеба, преодолевающий суровую природу и неблагоприятность правительства». И писал я всё это, доложу вам, с жаром, от всего сердца. Два года я проторчал в «Восточном курьере» и за это время вдолбил тамошним людям, что они «крайстие горцы», что их жизнь «героична и прекрасна», а их край «хоть и беден, но прекрасен своими меланхолическими горами». Словом, превратил Чеславский округ почти в Норвегию. Едва ли какой журналист способен на большее!

Работал в провинциальной газете, надо, разумеется, прежде всего не упускать из вида местных событий. Вот один раз зашёл ко мне полицейский комиссар и говорит:

— Сегодня ночью какая-то бестия обчистила магазин Вашеты, знаете, «Торговля разными товарами». И что бы вы сказали: этот негодяй сочинил там стихи и оставил их на прилавке! Наглость, а?

— Покажите стихи, — сказал я быстро. — Это подойдёт для «Курьера». Вот увидите, наша газета поможет вам обнаружить преступника. Но этот случай сам по себе — сенсация для города и всего края.

После некоторых уговоров я получил стихи и напечатал их в «Восточном курьере».

Я вам прочту из них, сколько помню. Начинались они так:

«Вот час двенадцатый пробил, Громила, час твой наступил...

Всё хорошенько взвесь и смерть, Когда ты взламываешь дверь.

Чул! Слышны на дворе шаги. Я здесь один, мне все — враги. Но я не трушу. Тишина. Лишь сердце дрогнет, как струна.

Шаги затихли. Пронесло! Эх, воровское ремесло!

Дверь заскрипела, подалась. Теперь не трусь и в лавку влазь.

Сиротка я. Судьба мне — камень. Вот слёз бы было бедной маме...

Пропала жизнь. Мне не везёт. Вот слышу, где-то мышь грызёт.

Она да я — мы оба воры. В чужих амбарах фуражеры.

Я поделиться с ней решил. Ей малость хлеба накрошил.

Найдёт. Отважится нескоро. Видать, и вор боится вора...

Потом там было ещё что-то, а кончилось так:

«Писал бы, муза не смолкает, — Да жалко, свечка догорает».

Я опубликовал эти стихи на страницах газеты, подвергнув их обстоятельному психологическому и литературному анализу. Я выявил в них элементы баллады, благожелательно указав на тонкие струны в душе преступника. Всё это произвело своего рода сенсацию. Другие провинциальные газеты твердили, что это грубая и нелепая фальсификация, иные заявляли, что это плагиат, перевод с английского и так далее. Я как раз был в разгаре полемики с оппонентами, когда ко мне снова заглянул полицейский комиссар и сказал:

— Господин редактор, не пора ли положить конец рекламированию этого жулика? Посудите сами: за неделю он обокрал две квартиры и ещё одну лавку и всюду оставил длинные стихи.

— Хорошо, — сказал я. — Тиснем их в газету.

— Хорошо? — проворчал комиссар. — Да ведь это — потакание вору! К воровству его теперь побуждает глазным образом пробудившееся литературное тщеславие. Нет, вы, наоборот, должны покончить с этим. Напишите ему, что стихи — дрянь, что в них нет ни формы, ни настроения, — словом, ничего. Тогда, я думаю, бродяга перестанет красть.

— Гм, — говорю я, — этого написать нельзя, поскольку мы только что его расхвалили. Но знаете, что? Не будем печатать его стихов — и всё!

Прекрасно. В ближайшие две недели было зарегистрировано пять краж со взломом и стихами, но «Восточный курьер» молчал о них, как убитый. Я, правда, очень боялся, как бы наш вор, гонимый ущемлённым авторским самолюбием, не перебрался в другой край, где местная печать поднимет вокруг него шум. Представляете себе, как бы они его обыграли! Но вор, видимо, был обескуражен замалчиванием его творчества и три недели не ударил пальцем о палец. Потом кражи со взломом начались снова, но теперь стихи поступали по почте непосредственно в адрес редакции. «Восточный курьер» продолжал молчать, словно в рот воды набрал. Во-первых, я не хотел вызывать недовольства местных властей, а во-вторых, стихи с каждым разом становились хуже. Автор начал повторяться, изобретал какие-то романтические выкрутасы, — словом, стал вести себя, как настоящий писатель.

Однажды ночью прихожу я, поспитывая, к себе домой и чиркаю спичку, чтобы зажечь лампу. Вдруг у меня за спиной кто-то дунул и погасил спичку.

— Не зажигать света! — сказал глухой голос. — Это я.

— Ага, — был мой ответ. — А что вы хотите?

— Пришёл узнать у вас насчёт стихов, — сказал глухой голос.

— Человек! — говорю я, не сообразив, о каких стихах идёт речь. — Сейчас не приёмные часы. Приходите завтра, в одиннадцать.

— Чтобы меня забрали в кутузку? — мрачно сказал голос. — Нет, это не годится. Почему вы не печатаете моих стихов?

Тут я только догадался, что это наш вор.

— Это будет долгий разговор, — сказал я ему. — Садитесь, молодой человек. Хотите знать, почему я не печатаю ваших стихов? Пожалуйста. Потому что они нигде не годятся.

— А я думал... — печально сказал голос, — что... что они не хуже первых.

— Да, первые были неплохи, — сказал я строго. — В них была непосредственность, понимаете? Своеобразие, свежесть, острота восприятия, настроение, — словом, всё. А остальные стихи, милый человек, ни к чорту не годятся.

— Да ведь я... — жалобно произ-

нёс голос, — да ведь я писал их так же, как первые.

— Вот именно, — сказал я неумолимо. — Вы лишь повторялись. Опять в них были шаги на улице...

— Ей богу, я к ним прислушивался, — защищался голос. — Господин редактор, когда идёшь на дело, надо держать ушки на макушке.

— Короче говоря, — перебил я, — ваши стихи превратились в пустой литературный шаблон. Без оригинальности, без вдохновения, без новых образов. Это не годится, друг мой. Надо бы вам взяться за другое дело.

— Обокрасть церковь, что ли? — предложил голос. — Или часовню на кладбище?

Я сделал энергичный отрицательный жест.

— Нет, — говорю, — это не поможет. Дело не в материале, молодой человек, дело в его творческой интерпретации. В ваших стихах нет никакого конфликта, в них только внешнее описание заурядной кражи. Вам надо найти какую-нибудь свою внутреннюю тему. Например, угрызения совести.

— Угрызения совести? — с сомнением сказал голос. — И вы думаете, что стихи станут лучше?

— Разумеется! — воскликнул я. — Друг мой, это даст им психологическую глубину и внутреннюю законченность.

— Попробую, — задумчиво отозвался голос. — Не знаю только, пойдёт ли у меня дело на лад, если мне будут мешать угрызения совести. От них, понимаете ли, теряется уверенность в себе. А без неё сразу зашлепнешься.

— А хоть бы и так! — воскликнул я. — Дорогой мой, что с того, если вы попадётеся? Представляете себе, какие стихи вы напишете в тюремной келье? Погодите, я вам покажу одну поэму, написанную в тюрьме. Ошалеете!

— Она была напечатана в газетах? — спросил голос, словно зашлепнувшись.

— Голубчик, это одна из самых прославленных поэм в мире. Зажгите лампу, я вам прочту её.

Мой гость чиркнул спичку и зажёл лампу. Он оказался бледным, слегка прищавым юношей — типичный жулик или поэт.

— Погодите, — говорю я, — сейчас я её найду.

И снял с полки перевод «Баллады о Рэдингской тюрьме» Оскара Уайльда. Тогда она была особенно в моде.

В жизни я не декламировал с таким чувством, как в эту ночь, читая ему вслух знаменитую балладу. Гость не спускал с меня глаз. А когда мы дошли до того места, где герой поднимается на эшафот, он закрыл лицо руками и всхлипнул.

Я дочитал, и мы замолчали. Мне не хотелось портить величие минуты. Открыв сию, я сказал:

— Крачайший путь вон там, через забор. Покойной ночи.

И погасил лампу.

— Покойной ночи, — произнёс в темноте нетвёрдый голос. — Я попробую. Спасибо.

И он исчез бесшумно, как летучая мышь. Всё-таки это был высококвалифицированный громил!

Через два дня его поймали в какой-то лавке. Он сидел с листком бумаги у прилавка и кусал карандаш. На бумаге были стихи — подражание «Балладе о Рэдингской тюрьме».

Суд припаял ему полтора года как рецидивисту-взломщику.

Перевод с чешского Т. Акселя

Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта. Заслуженный мастер спорта З. Синицкий проделяет упражнения со штангой.

Фото Н. Волкова

ВПЕРЕДИ — СПОРТСМЕНЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Двадцать шесть городов Советского Союза были представлены своими командами в недавних московских матчах на кубок СССР по хоккею.

Этот, шестой по счёту чемпионат хоккеистов изобилует многими сенсационными результатами. Четырёхкратный победитель кубка СССР московский «Динамо» был выбит из турнира ещё в предварительных играх. Мо-

скваичи проиграли новосибирцам со счётом 4:2, имея вналичье счёт 2:0 в свою пользу.

Новосибирцы приехали в Москву и сыграли четвертьфинальный матч с командой «Спартак» с таким же счётом мячей, но уже не в свою пользу. В полуфинале команду «Спартак» обыграли хоккеисты авиаучилища. Во втором полуфинале ЦДКА — «Крылья Советов» также по-

СПОРТ

бедили спортсмены Красной Армии.

В финальной игре встретились две армейские команды. Опытнее и сильнее были игроки ЦДКА. Они обыграли лётчиков со счётом 2:1 и во второй раз завладели хрустальным кубком (в первый раз ЦДКА был победителем «Кубка СССР» в 1939 году).

Состав команды-победительницы кубка СССР 1945 года: капитан П. Коротков (он же капитан команды); семь лейтенантов — В. Веневцев, А. Тарасов, А. Виноградов, П. Зенкин, М. Орехов, Е. Бабич и В. Бобров; младший лейтенант А. Гусев; старшина В. Никаноров и сержант Д. Петров.

В женских матчах в первый раз за всю спортивную историю «Кубка СССР» трофеи завоевала не команда «Буревестник». Пять чемпионатов «Буревестник» побеждал — в шестом розыгрыше «Кубок» завоевали московские динамовцы, обыгравшие команду «Буревестник» в финале со счётом 2:0.

В городе Горьком в конце февраля был разыгран 51-й чемпионат страны по конькобежному спорту. Двойную победу одержали спортсмены Красной Армии.

Первое место и звание абсолютного чемпиона СССР завоевал старший лейтенант Владимир Прошин. В отличном стиле он выиграл бег на 1500 метров с результатом 2 минуты 25 секунд, был первым на дистанции в 5 тысяч метров, занял второе место на пятистах метрах, уступив её рекордсмену страны Константину Кудрявцеву, и занял также второе место в конькобежном марафонском пробеге.

Победительница всесоюзных лыжных соревнований колхозной молодёжи Шура Малофеева (колхоз «Субботино», Солнечногорского района, Московской области).

Фото Г. Борисова

Первое место в этом состязании досталось абсолютному чемпиону СССР 1944 года ленинградцу Николаю Петрову. Набрав по четырём дистанциям 203 723 очка, Прошин занял первое место в соревновании на первенство страны. Его ближайшим соседом был одноклубник красноармеец Игорь Ипполитов, отставший от победителя на 2,4 очка. Два конь-

кобежца Красной Армии заставили занять третье место на Всесоюзном турнире четырёхкратного чемпиона СССР Ивана Аниканова.

У женщин абсолютной чемпионкой СССР 1945 года стала мировая рекордсменка Мария Исакова.

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта СССР

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что роман Достоевского «Бедные люди» был начат ещё в Инженерном училище, а окончен в 1845 году, через несколько лет после окончания училища?

...что, прочитав рукопись «Бедных людей», Некрасов и Григорович примчались к Достоевскому в четыре часа ночи, чтобы выразить ему свой восторг, а днём Некрасов посетил Белинского и сказал ему: «Новый Гоголь явился»?

...что Достоевский издавал вместе со своим братом журнал «Время»? Журнал был закрыт в мае 1863 года за патристическую статью Страхова «Роковой вопрос». В 1864 году Достоевский

начал издание нового журнала — «Эпоха».

...что образ Катерины Ивановны в «Преступлении и наказании» воспроизводит почти портретно черты первой жены Достоевского — М. Д. Исаевой, а сцена смерти супруги Мармеладова написана под впечатлением её агонии?

...что Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых», как и некоторые другие властные и гордые девушки Достоевского, списана с Анны Васильевны Корвин-Круковской? Знакомство писателя с ней началось с того, что она прислала ему две своих повести под псевдонимом Юрий Орбелов.

...что прототипом для Алёши Карамазова послужил философ Владимир Соловьёв?

...что в «Подростке» содержатся знаменитые слова Достоевского: «У нас создавался веками какой-то ещё нигде невиданный высший культурный тип, которого нет в целом мире — тип всемирного боления за всех. Это тип русский...»?

...что последним выступлением Достоевского была речь о Пушкине, произнесённая им в 1881 году, в день открытия памятника Пушкину в Москве?

Смесь

КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ

В 2 километрах от Свердловска, близ Шарташского озера, находятся скалы — Шарташские каменные палатки. Они составлены из плоских, блинообразных, закруглённых гранитных плит, аккуратно и правильно, как бы руками человека, уложенных одна на другую. Издали эти слоистые гранитные образования очень похожи на палатки или, скорее, на юрты. Отсюда эти скалы и получили своё название.

Яков Михайлович Свердлов (товарищ Андрей, как он был известен в своей подпольной работе) почти все свои митинги в предреволюционное время проводил у

Шарташских каменных палаток.

РАСКОПКИ ОКОЛО ГОРОДА КЕРЧИ

Около Керчи, на берегу Таманского пролива, при раскопках обнаружены руины двух древних греческих поселений. Кроме архитектурных памятников (оборонительных стен, древних мостовых и пр.) здесь найдены рыбо-засолочные цистерны, в которых более чем 2500 лет назад засаливалась керченская сельдь, вывозившаяся греческими купцами в Афины, а также остатки винодельни с огромными давящими прессами для выжимки винограда.

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
Н. Зубарёва

Розыгрыш очередного шахматного чемпионата США закончился большой неожиданностью. К последнему туру с одинаковым количеством очков подошли гросмейстер Р. Файн и А. Денкер, шахматист, до сих пор занимавший в чемпионатах США лишь среднее место. В личной встрече, состоявшейся между ними как раз в последнем туре, Денкер в 25 ходов выиграл партию и, таким образом, оказался чемпионом США.

Вот эта сенсационная партия:

ПАРТИЯ № 8

Защита Нимцовича

Денкер (белые) Файн (чёрные)

1. d2—d4 Kg8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kbl—c3 Cf8—b4
4. e2—e3 b7—b6
5. Cf1—d3 Cc8—b7
6. Kgl—f3 Kf6—e4

Результат настоящей партии заставляет усомниться в корректности этого хода. Обычное продолжение здесь: 6. ... 0—0, 7. 00, C:c3; 8. bc, d6 и т. д.

Интересная жертва пешки, которая, повидимому, полностью себя оправдывает.

7. ... Ke4:c3.
Если 7. ... C:c3, 8. be, K:c3, то 9. Фс2, выигрывая коня.
8. b2:c3 Cb4:c3

Здесь ещё можно было отказать от принятия жертвы и сыграть 8. ... Се7 с продолжением 9. e4, d6; 10. Фс2, Kd7 и т. д. Файн, очевидно, считает, что белые за пожертвованную пешку не имеют достаточной компенсации.

9. La1—b1 Cc3—a5
Этот слон выключается теперь из игры. Нельзя играть 9. ... 00 ввиду 10. Фс2 и C:h7+

10. Cc1—a3 d7—d6
Заслуживало внимания продолжение 10. ... Kc6 и на 11. d5, Ke7, перекрывая диагональ белого слона.

11. c4—c5! 0—0
12. c5:d6 c7:d6
13. e3—e4 Lf8—e8
14. e4—e5 d6:e5

Как указывает Денкер, этот ход является серьёзной ошибкой. Лучше было 14. ... d5 с возможностью перевода коня Kb8—d7—f8 для защиты королевского фланга. После хода в партии белые получают сильную атаку.

15. Kf3:e5
Угрожая сразу решить партию: 16. C:h7+, Kр:h7; 17. Фh5+, Kpg8; 18. Ф:f7+, Kph8; 19. Lb3 с матом.

15. ... Фd8—g5
16. g2—g3 g7—g6

Интересные варианты получают после, например, 16. ... Kd7 и нельзя 17. K:d7? из-за ответа Фd5! Но белые продолжают 17. f4!, Фd8; 18. K:f7! Kр:f7; 19. Фh5+ и выигрывают.

Или 16. ... Kc6; 17. K:f7! Kр:f7; 18. Lb5, K:d4; 19. Л:g5, Kf3+; 20. Kpg2, K:g5+; 21. f3 в пользу белых

17. Фd1—a4!

Позиция белых подавляющая — чёрные должны погибнуть ввиду крайне неудачного расположения их фигур на ферзевом фланге. 17. ... Фg5—d8

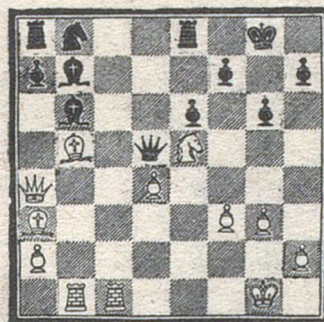
Если сейчас чёрные играют 17. ... Ка6, то 18. Фd7, Ла—b8; 19. Ф:f7+, Kph8; 20. Ф:e8+, Л:e8; 21. Kf7+ и выигрывают.

18. Lf1—c1 b6—b5

Лучшего у чёрных ничего нет. На 18. ... Ка6 Денкер даёт следующий вариант: 19. Ф:a5! ba; 20. Л:b7, Ф:d4; 21. Cb2, Фd5; 22. C:a6 и белые должны выиграть.

19. Cd3:b5 Фd8—d5

20. f2—f3 Ca5—b6

21. Lc1—c5!

Денкер энергично заканчивает хорошо проведённую партию.

21. ... Cb6:c5
22. Ca3:c5 Le8—c8
23. Cb5—c4 Cb7—c6
24. Cc4:d5 Cc6:a4
25. Cd5:a8 Чёрные сдались.

Гросмейстер Файн давно уже не проигрывал в таком разгромном стиле!

ШАШКИ

Под редакцией мастера
Г. Торчинского

Играл во Всесоюзном турнировочном турнире.

Москва, декабрь 1944 года

А. Капнудель (белые) А. Веретя (чёрные)

1. c3—d4 f6—g5
2. b2—c3 g7—f6
3. c3—b4 b6—a5
4. d4—c5 a5:c3
5. d2:b4 h8—g7
6. g3—f4 ...

Белые уклоняются от более разработанных вариантов, связанных с 6. b4—a5 d6:b4; 7. a5:c3 g5—f4 и т. д. и избирают продолжение, передающее инициативу чёрным.

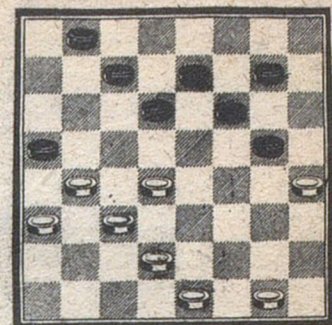
6. ... c7—b6
7. b4—a5 b6:d4
8. e3:c5 d6:b4
9. a5:c3 g5:e3
10. f2:d4 a7—b6

В создавшейся позиции единственный план чёрных заключается в охвате центра с флангов.

11. a3—b4 e7—d6
12. h2—g3 b6—a5
13. al—b2 f8—e7
14. b2—a3 h6—g5
15. c1—d2 d8—c7

Сильный ход, препятствующий освобождению от связки левого фланга белых, так как на 16. b4—c5 следует d6:b4; 17. a3:c5 c7—d6; 18. g3—h4 (иначе проигрывается шашка без всякой компенсации) d6:b4; 19. d4—e5 f6:b2; 20. h4:h8 l2—a1!; 21. d2—c3 (дру-

гого ничего нет), b4:d2; 22. e1:c3 al:g7!; 23. h8:d8 b8—c7; 24. d8:b6 a5:c7 и выигрывают. 16. g3—h4?

Ведёт к проигрышу. Следовало играть 16. d2—c3 и добиваться ничьей.

16. ... g5—f4
17. g1—h2 (!) ...

Белые избегают тщательно замаскированную ловушку. На 17. e1—f2? последовало бы f4—g3!; 18. d4—c5 g3:e1; 19. c5—b6 d6—e5!; 20. b6:d8 e7—d6; 21. d8:g5 e1—g3!; 22. h4:f2 e5—d4 и выигрывают.

17. ... d6—e5!
18. e1—f2 b8—a7
19. h2—g3 f4:h2
20. h4—g5 f6:h4
21. d4:h8 e7—d6!

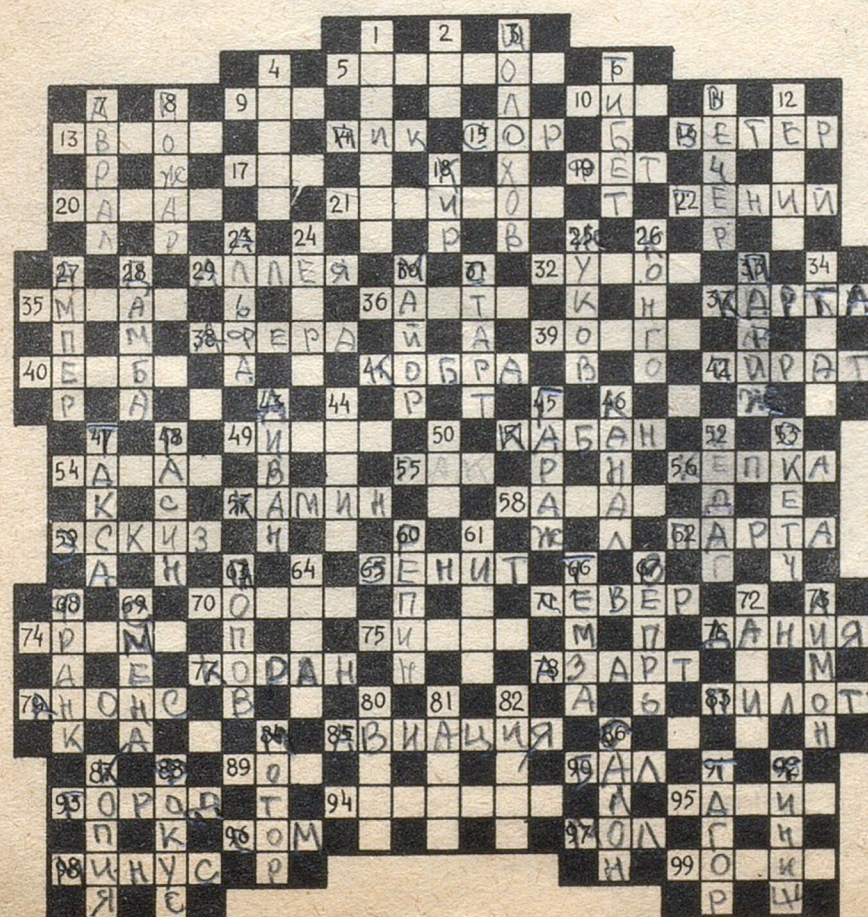
Если 21. ... h2—g1, то 22. f2—g3 h4:f2; 23. d2—e3 f2:b2; 24. h8:al a5:c3; 25. al:a5 и ничья.

22. b4—c5 d6:b4
23. a3:c5 h2—g1
24. d2—e3 h4—g3!
25. f2:h4 g1:al

Белые сдались, так как грозит 26. ... c7—b6 и 27. ... b6—c5.

КРОССВОРД

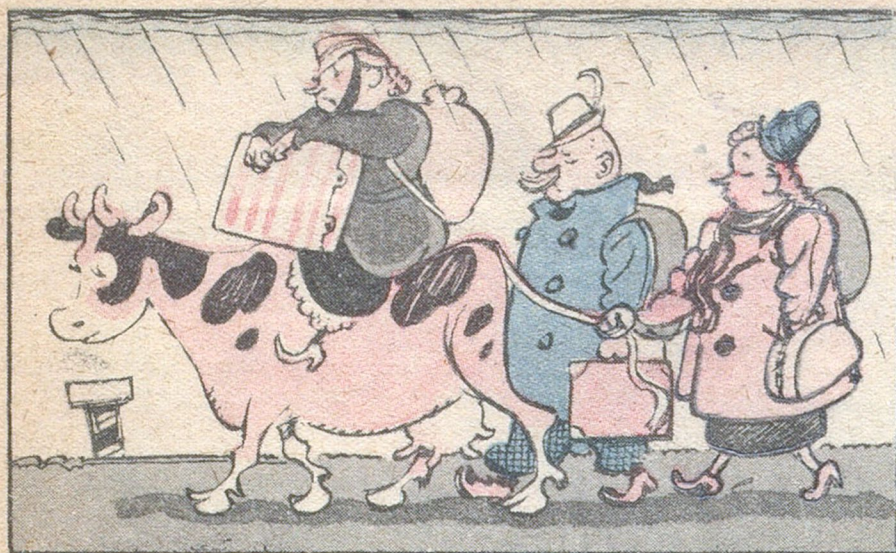
Составил читатель «Огонька» О. Т. СИЗОВ
Ст. Княжий-Погост, Коми АССР

«ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВ. СНАБ. ЧКБ
ВАШИНГТОН Д.С.
12 1.12

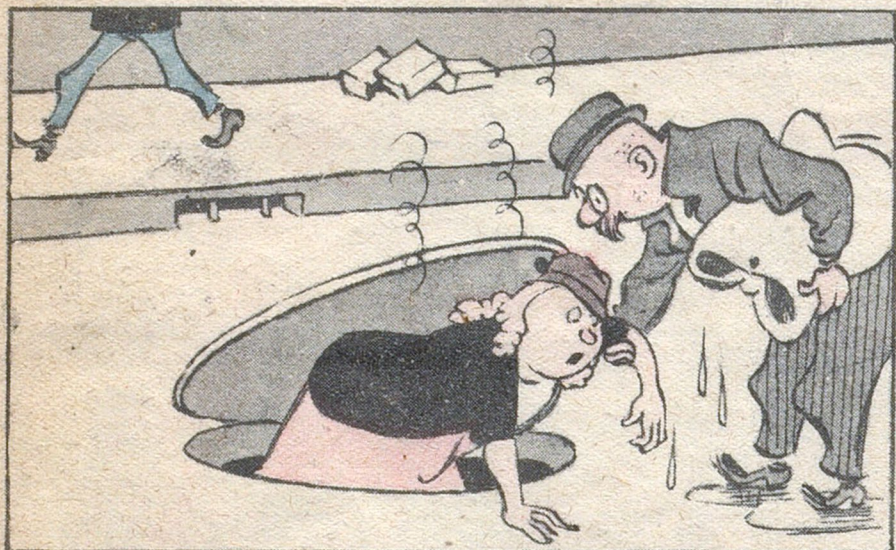
Рисунки Ю. Ганфа

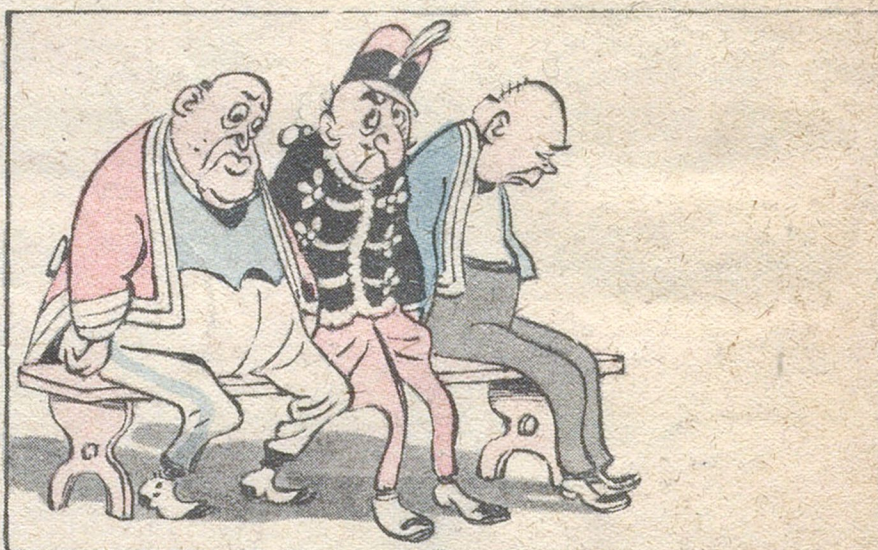
Карл Кирхмахер и его семья надеялись, что фюрер совершит чудо и они смогут жить припеваючи в своём поместье в Померании. Но чудо не состоялось, и сейчас им приходится «драпать» в неизвестном направлении на запад.

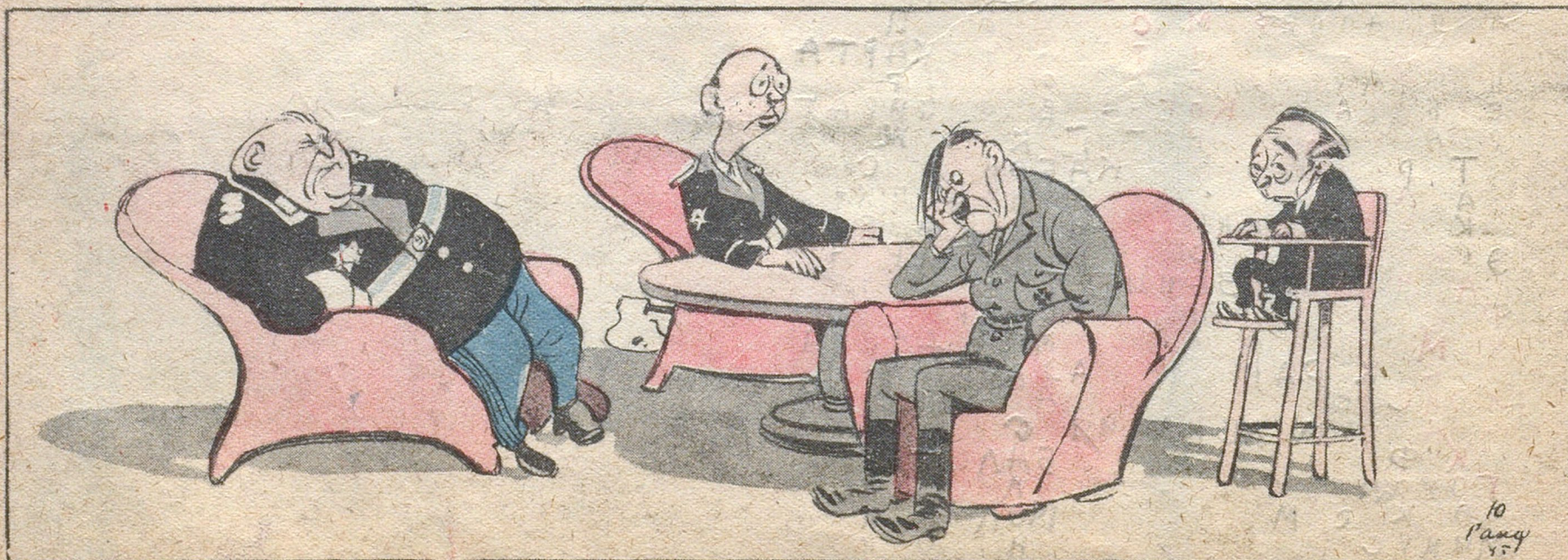
Надеялся на чудо и генерал-лейтенант Крафте, окружённый южнее города Шифельбайн. Но фюрер и на этот раз подвёл с чудом, и генералу спешно пришлось прибегнуть к белому флагу.

Не оправдались и надежды берлинца Курта Курцгалоп на то, что фюрер при помощи чуда избавит его от воздушных налётов. Каждое утро ему с женой приходится вылезать из канализационной трубы, служащей им убежищем.

Не дождался чуда и бежавшие из Рима, Будапешта, Софии и прочие гитлеровские лакеи — Муссолини, Салаши, Цанков — вся эта банда торговцев родиной.

А фюрер уныло думал: «Какого ещё чуда им нужно? Разве это — не чудо, что нас ещё не повесили?» Он может не сомневаться: чудес не бывает. У него и его помощников ближайшая перспектива — виселица.